

Элизабет Вернер

Развеянные чары

Элизабет Вернер

Развешанные чары

«Public Domain»

1875

Вернер Э.

Развеянные чары / Э. Вернер — «Public Domain», 1875

«Занавес опустился при бурных аплодисментах всего театра. Ложи, партер и галереи единодушно требовали выхода певицы, которая в заключительной сцене последнего акта совершенно покорила своих слушателей. Взмолвленная публика не успокоилась, пока знаменитая артистка не вышла на сцену благодарить своих поклонников, встретивших ее новыми взрывами аплодисментов, цветами, венками и другими выражениями восхищения и восторга...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эльза Вернер

Развеянные чары

Глава 1

Занавес опустился при бурных аплодисментах всего театра. Ложи, партер и галереи единодушно требовали выхода певицы, которая в заключительной сцене последнего акта совершенно покорила своих слушателей. Взволнованная публика не успокоилась, пока знаменитая артистка не вышла на сцену благодарить своих поклонников, встретивших ее новыми взрывами аплодисментов, цветами, венками и другими выражениями восхищения и восторга.

– Сегодня настоящий итальянский спектакль, – сказал пожилой господин, входя в одну из лож бельэтажа. – Синьора Бьянконе вполне владеет искусством зажигать южным пламенем своей родины спокойную патрицианскую кровь нашего благородного ганзейского города. Это восторженное преклонение принимает характер эпидемии. Если так будет продолжаться, то мы доживем до того, что биржа устроит в честь артистки торжественную процессию с факелами, а сенат вольного имперского города в полном составе предстанет перед ней, чтобы положить венок к ее ногам. На вашем месте, господин консул, я внес бы такое предложение в оба учреждения. Убежден, что его приняли бы с энтузиазмом.

Господин, к которому были обращены эти слова, сидел рядом с дамой, по-видимому, своей супругой, в передней части ложи и, очевидно, разделял всеобщий восторг, только что высмеянный пожилым господином. Он долго аплодировал с энергией, достойной лучшего применения, а затем обернулся и с улыбкой, хотя и не без досады, ответил:

– Думаю, что критика и сейчас разойдется во мнениях с единогласным решением публики! В своем ужасном «Утреннем листке», доктор, вы не щадите ни биржи, ни сената, как же может ждать от вас милости синьора Бьянконе?

Доктор лукаво улыбнулся и подошел к даме. Сидевший позади нее молодой человек любезно поднялся, уступая ему место.

– Господин Альмбах, – сказала дама, представляя молодого человека, – доктор Вельдинг, редактор «Утреннего листка», перо которого...

– Ради Бога, сударыня, не роняйте меня с первой же минуты во мнении господина Альмбаха, – прервал ее Вельдинг. – Достаточно быть представленным молодому артисту в качестве критика, чтобы заранее быть уверенным в его антипатии.

– Возможно, – рассмеялся консул. – Но на этот раз ваша проницательность изменила вам. Слава Богу, господин Альмбах никогда не предстанет перед вашим судом – ведь он купец.

– Купец? – воскликнул Вельдинг, окидывая молодого человека изумленным взором. – В таком случае прошу извинения за свою ошибку. Я принял вас за артиста.

– Вот видите, милый Альмбах, ваши глаза и лоб зло шутят над вами! – с улыбкой заметил консул. – Что сказали бы ваши родные по поводу такой ошибки? Вероятно, приняли бы ее как личное оскорбление.

– Пожалуй! Но я смотрю на это иначе, – с легким поклоном в сторону Вельдинга заметил Альмбах.

Последние слова были произнесены как будто шутливо, но в них прозвучала затаенная горечь, и она не ускользнула от внимания Вельдинга. Редактор устремил испытующий взор на молодого человека, но тут дама обратилась к нему, возвращаясь к прежней теме разговора:

– Однако вы не можете не согласиться, что синьора Бьянконе была сегодня очаровательна. Молодая и такая талантливая, она, конечно, станет звездой на нашем театральном небосклоне...

– Которая со временем превратится в лучезарное солнце, если только исполнит то, что обещает нам теперь... Это правда, сударыня, я этого ни в коем случае не отрицаю, хотя на будущем солнце в настоящее время есть пятна несовершенства, только восторженная публика, естественно, их не замечает.

– Во всяком случае советую вам не слишком резко подчеркивать замеченные несовершенства, – сказал консул, указывая на партер. – Там внизу целая толпа восторженных поклонников синьоры. Берегитесь, доктор, не то вы получите по крайней мере пять-шесть вызовов на дуэль.

Лукавая улыбка снова появилась на губах Вельдинга, окинувшего насмешливым взором молодого Альмбаха, который, нахмурившись, молча следил за разговором.

– А может быть, даже и семь! Господин Альмбах, например, считает выраженное мною мнение почти государственной изменой.

– К сожалению, доктор, я очень мало смыслю в критике, – возразил Альмбах. – Я... я безусловно восхищаюсь гением, – добавил он с загоревшимся взором.

– Высокопоэтический вид критики! – усмехнулся Вельдинг. – Если вы лично и тем же самым тоном повторите свои слова синьоре Бьянконе, то я заранее ручаюсь за ее благосклонность. Впрочем, на сей раз и мне будет весьма приятно завтра в «Утреннем листке» с чистой совестью сказать, что у нее выдающийся талант, а ошибки и недостатки присущи всякой начинающей артистке, и от нее самой зависит, станет ли она оперной звездой первой величины. Но в настоящую минуту до этого еще далеко.

– Из ваших уст вполне достаточно и такой похвалы, – заметил консул. – Ну, я думаю, нам пора в путь. Блестящая партия Бьянконы окончена, последний акт ничего не дает для ее роли, кажется, она всего один раз появляется на сцене, а нас призывают домой обязанности хозяев – сегодня наш приемный вечер. Могу я предложить вам свободное место в своей карете, доктор? Ведь ваш долг критика тоже исполнен. А вы, господин Альмбах, поедете с нами или будете ждать конца оперы?

Молодой человек тоже встал.

– Если вы и ваша супруга позволите... Опера почти незнакома мне... я бы охотно...

– В таком случае оставайтесь без стеснения, – любезно перебил его консул. – Но будьте сегодня непременно, мы рассчитываем на ваше посещение.

Он предложил руку жене, и они вышли. Вельдинг последовал за ними, говоря:

– Как вы могли предположить, что ваш юный гость тронется с места, пока Бьянконе предстоит спеть хотя бы еще одну только ноту из ее партии, или откажется от возможности встать в шпалеру молодежи между театральным подъездом и ее каретой! Прекрасные глаза Бьянконы натворили уже много бед, а господина Альмбаха ожгли, пожалуй, сильнее всех других.

– Будем надеяться, что это не так, – возразила жена консула с легким оттенком беспокойства в голосе. – Что сказали бы по этому поводу родители его жены, да и она сама?

– Разве господин Альмбах женат? – удивленно спросил Вельдинг.

– Уже два года, – ответил консул. – Он племянник и зять моего делового партнера. Фирма «Альмбах и Компания» не очень велика, но в высшей степени солидна и надежна. Впрочем, вы совершенно несправедливо опасаетесь за молодого человека. В такие годы легко увлечься, в особенности, если художественные наслаждения редко выпадают на долю, как в этом случае. Между нами говоря, старик Альмбах придерживается мещанских взглядов в этом отношении и весьма строг к своему зятю. Он уж постарается, чтобы беда, причиняемая «прекрасными глазами», не коснулась его дома. Я знаю его отлично.

– Тем лучше для него! – коротко заметил доктор, садясь в карету консула, которая направилась к портовой набережной, где были расположены дворцы богатого купечества...

Час спустя в гостиных консула уже собралось многочисленное общество. Эрлау принадлежал к числу самых богатых и почтенных коммерсантов в Г. Одного этого было достаточно,

чтобы обеспечить ему значение в обществе, но его дом был одним из первых в городе еще и благодаря блестящему гостеприимству хозяев. На вечера консула обычно собирались все сливки общества. Не было такой знаменитости, которая не появилась бы несколько раз в его доме; звезда настоящего сезона, примадонна остановившейся здесь на некоторое время итальянской оперы синьора Бьянконе, тоже получила приглашение на вечер и приехала по окончании спектакля.

После своего блестящего успеха молодая артистка, естественно, привлекла к себе всеобщее внимание. Мужчины оглушали ее восторженными излияниями, дамы осыпали любезностями, хозяева преследовали своим изысканно-льстивым вниманием. Она не знала, куда деваться от такого наплыва горячих похвал, которые слышала отовсюду и которыми, конечно, была обязана столько же своей красоте, сколько и таланту.

В синьоре Бьянконе соединилось то и другое. Не будь у нее артистического таланта, она все равно не осталась бы незамеченной: она была одной из тех женщин, которые при первом же появлении приковывали к себе все взоры и помыслы и которые особенно опасны, потому что их прелесть заключается не только в красоте, но и в каких-то демонических чарах, свойственных избранным натурам, хотя трудно понять, где их источник и в чем они, собственно, заключаются. Горячим дыханием богатого яркими красками юга веяло от стройной фигуры и смуглого лица, обрамленного темными волосами, от больших, сияющих, полных жизни черных глаз. Даже странно было видеть ее среди северной обстановки. Манера говорить, жесты артистки были, может быть, несколько живее и непринужденнее, чем этого требуют строгие правила этикета, но огонь юности, проявляющийся с необыкновенной грацией при каждом ее движении, был неотразим. Легкое оригинальное платье, сшитое далеко не по моде, казалось специально предназначенным для того, чтобы в самом выгодном свете выставить всю красоту фигуры молодой итальянки и победоносно выделиться среди роскошных туалетов других дам. Она казалась существом, стоящим выше рамок обыденной жизни, и каждый из присутствующих охотно признавал за ней право быть исключением.

Приехал и Альмбах по окончании спектакля; он был совершенно одинок в этом незнакомом ему обществе и, по-видимому, решил сохранить это одиночество, несмотря на тщетные попытки хозяина ближе познакомить его с некоторыми из гостей. Попытки эти разбивались частью о мрачную молчаливость молодого человека, частью о реакцию тех лиц, кому его представляли, – биржевых тузов и финансистов, находивших, что не стоит церемониться с представителем незначительной фирмы. Альмбах одиноко стоял в углу зала и равнодушно смотрел на блестящую толпу, но его взор то и дело останавливался все на той же точке, которая, словно магнит, привлекала к себе мужчин.

– Что же вы, господин Альмбах, даже не делаете попытки приблизиться к светилу этой гостиной? – сказал, подходя к нему, Вельдинг. – Прикажете представить вас?

Легкий румянец смущения выступил на лице Альмбаха, критик угадал его заветное желание.

– Синьора Бьянконе так окружена, что я не посмел утруждать ее еще своей особой.

Вельдинг рассмеялся:

– Да, эти господа, видимо, присоединяются к вашему критическому методу и «безусловно восхищаются гением». Конечно, искусство имеет свои преимущества, оно воодушевляет всех и каждого. Пойдемте! Я представлю вас очаровательной синьоре.

Они направились в противоположную сторону зала, где расположилась молодая итальянка, но им стоило немалого труда пробраться сквозь толпу поклонников, окружавших героиню вечера. Доктор назвал своего спутника, сказав, что тот сегодня только впервые имел счастье восторгаться синьорой на сцене, и затем предоставил ему устраиваться, как умеет, в этом «солнечном кругу». Определение было подобрано вполне удачно: взор, обращенный теперь на Альмбаха, действительно как будто изучал зной полуденного солнца.

– Значит, вы тоже были в театре? – непринужденно спросила певица.

– Да, синьора! – ответил Альмбах.

Ответ прозвучал кратко и угрюмо. Ни слова больше, ни одного из тех комплиментов, которых так много пришлось сегодня выслушать артистке. Но взгляд молодого человека дополнил его сухой ответ: хотя он только на мгновение встретился со взором синьоры Бьянкони, но то, что сверкнуло в нем, было замечено и понято ею, так как говорило бесконечно больше всех лестных комплиментов.

Мужчины, окружавшие артистку, совершенно игнорировали вновь прибывшего, не сумевшего даже сказать любезность хорошенькой женщине. Разговор, к которому вскоре присоединился и сам консул, сделался общим; заговорили о музыке, об одном известном композиторе и его произведении, которое, по мнению многих, совершило переворот в современной музыке и в оценке которого синьора Бьянкони и Вельдинг совершенно разошлись. Артистка восторгалась этим произведением, а критик не признавал его выдающегося значения. Певица защищала свою точку зрения со всей страстностью южного темперамента, и ее поддерживали все мужчины, сразу принявшие ее сторону, но критик хладнокровно стоял на своем. Спор разгорался, пока наконец певица с недовольным и даже несколько раздраженным видом не отвернулась от своего противника.

– Весьма сожалею, что наш пианист не мог воспользоваться приглашением на сегодняшний вечер, – заметила она. – Как раз это самое произведение он играет особенно блестяще, и, по-моему, только его исполнение может дать возможность присутствующим судить о том, кто из нас прав.

Все согласились с мнением синьоры Бьянкони и очень сожалели об отсутствии пианиста, но никто не вызвался заменить его: по-видимому, несмотря на выставленное напоказ увлечение музыкой, ни у кого не было желания серьезно заниматься ею.

Тут Альмбах выступил вперед и спокойно сказал:

– К вашим услугам, синьора.

Артистка быстро и с видимым удовольствием обернулась к нему:

– Вы музицируете, синьор?

– Если вы и все присутствующие будете снисходительны к пробе сил дилетанта...

И Альмбах вопросительно взглянул на хозяина дома. Увидев его одобрительный жест, он подошел к роялю.

Произведение, о котором шла речь, было в полном смысле слова блестящей фортепианной пьесой и пользовалось всеобщей любовью не столько благодаря своему внутреннему содержанию, которого, впрочем, в нем практически не было, сколько из-за необыкновенной трудности исполнения. Для того чтобы просто сыграть его, требовалось мастерски владеть инструментом. Общество, собравшееся у Эрлау, привыкло слышать это произведение в исполнении лучших пианистов и удивленно, несколько насмешливо смотрело на молодого человека, так смело вызвавшегося сыграть его. Правда, он заранее извинился своим дилетантством, но ведь во всяком случае было дерзостью выступать в гостинной консула, где те же слушатели восторгались игрой стольких знаменитостей-виртуозов.

Зато как же были они изумлены, когда Альмбах, не имея даже нот перед собой, преодолел все трудности пьесы с легкостью и уверенностью, которые сделали бы честь любому профессиональному пианисту. При этом он внес в свое исполнение столько огня, что увлек самых взыскательных из слушателей. Пьеса под его пальцами совершенно преобразилась, он придал ей смысл, которого до сих пор никто – и даже сам автор – не вкладывал в нее; в особенности исполненный в бурном темпе финал вызвал шумные аплодисменты.

– Bravo, bravissimo! – воскликнул Эрлау, первым подходя к молодому человеку и пожимая его руку. – Мы, право, должны быть благодарны синьоре Бьянконе и господину Вельдингу за то, что их музыкальный спор способствовал открытию такого таланта. Вы скромно говорите

о «пробе сил дилетанта» и обнаруживает исполнение, которого не постыдился бы истинный виртуоз. Вы помогли синьоре одержать блестящую победу; она права, безусловно права, и господин Вельдинг со своим мнением остается решительно в меньшинстве.

Бьянконе тоже подошла к роялю.

– Я также благодарна вам за то, что вы так рыцарски пришли мне на помощь, – улыбаясь, сказала она и прибавила пониженным до шепота голосом: – Но берегитесь, боюсь, мой строгий критик еще посчитается с вами за то, что вы поддержали мой взгляд. Вполне ли правильно было исполнение пьесы, в особенности ее финала?

Предательский румянец залил лицо молодого человека, но он тоже улыбнулся:

– Оно соответствовало вашему пониманию и вызвало ваше одобрение – этого для меня вполне достаточно, синьора.

– Мы еще поговорим об этом, – быстро шепнула артистка, так как в эту минуту сама хозяйка дома подошла к ним, чтобы любезно похвалить игру молодого человека.

Ее примеру последовала значительная часть общества.

Целый поток любезностей и комплиментов излился теперь на Альмбаха, восторгались его игрой и толкованием пьесы, спрашивали, где он учился музыке. Если вначале на него не обращали ни малейшего внимания, то сейчас он привлек все взоры своим внезапным успехом. Скромность молодого человека, едва позволявшая ему отвечать на предлагаемые вопросы, заставила почти каждого из гостей вдруг почувствовать себя чем-то вроде мецената, готового оказать покровительство молодому таланту.

Но точно ли только скромность сковывала уста Альмбаха? В его взоре то и дело сверкал насмешливый огонек, в то время как он выслушивал все новые и новые похвалы своему виртуозному исполнению и уверения, что эту пьесу никому не доводилось слышать в столь совершенном воспроизведении. Он воспользовался первой же возможностью, чтобы ускользнуть от всеобщего внимания, но его сейчас же поймал Вельдинг.

– Наконец-то мне удалось добраться до вас! – воскликнул он. – На вас обрушилась настоящая буря восторженных комплиментов. На два слова, господин Альмбах! Войдемте сюда!

Вельдинг указал на соседнюю комнату.

Альмбах последовал приглашению. Едва они вошли туда, как доктор довольно резко заговорил:

– Синьора Бьянконе оказалась правой, но только благодаря вашему исполнению. Мои нападки были направлены против пьесы в том именно виде, в каком она написана в оригинале. Позвольте мне полюбопытствовать, где вы нашли эту своеобразную ее обработку? Она мне совершенно не известна.

– Что, собственно, вы хотите этим сказать, доктор? – холодно возразил Альмбах. – Я знаю пьесу только в таком виде.

Вельдинг смерил его взглядом с головы до ног; сердитая гримаса на его лице сменилась выражением нескрываемого интереса, когда он ответил:

– Вы, по-видимому, верно оценили музыкальное образование своих слушателей, сыграв пьесу таким образом. Они слышат знакомую тему и премного довольны, но ведь бывают и исключения. Мне, например, было весьма интересно узнать, кому принадлежат некоторые вариации, совершенно меняющие характер целого, и в особенности финал... Или, может быть, смелая импровизация тоже является «пробой сил дилетанта»?

Альмбах задорно откинул голову:

– А если бы и так, что сказали бы вы по этому поводу?

– Сказал бы, что со стороны ваших родных было большой ошибкой сделать из вас... купца.

– Господин Вельдинг, мы в гостях у купца! – воскликнул Альмбах.

– Разумеется, – спокойно ответил Вельдинг, – и я далек от мысли порицать эту деятельность, в особенности, когда она начинается энергичным трудом и завершается почтенным отдыхом на миллионах; но такая деятельность далеко не для всех. Прежде всего для нее необходим холодный и ясный практический ум, а ваша голова, по-моему, как раз не создана для того, чтобы подсчитывать барыши и убытки. Простите, господин Альмбах! Я не навязываю вам своего мнения и не осуждаю вашей смелости. Чего не сделаешь ради каприза красивой женщины! В данном случае ваша тактика была положительно гениальной, другой при всем желании не мог бы сделать это. Поздравляю вас!

Отвесив иронический поклон, Вельдинг вышел.

Комната, хотя и прилегала к залу, но, отделенная от него полуопущенными тяжелыми портьерами и слабо освещенная, могла хоть на несколько минут предоставить уединение, которого жаждал Альмбах. Молодой человек бросился в кресло и устремил мечтательный взгляд в пространство. Пожалуй, и самому себе он не осмелился бы сознаться в том, о чем думал, но все же изменил себе, слегка вздрогнув при звуке голоса, с легким удивлением произнесшего над ним:

– Ах, господин Альмбах, вы здесь?

То была синьора Бьянкона. Трудно сказать, на самом ли деле она, входя, не заметила Альмбаха; во всяком случае, она продолжала совершенно непринужденно: – Мне хотелось минуту отдохнуть от духоты и шума гостиных. И вы так скоро удалились от общества после своего триумфа?

Альмбах быстро встал:

– Если говорить о триумфе, то нет никакого сомнения, кто празднует его сегодня. Мое импровизированное исполнение не может тягаться с тем, что вы дали публике.

Певица улыбнулась.

– Я дала ей лишь звуки, как и вы, – возразила она, – но, откровенно говорю вам, я поражена, только сегодня и здесь впервые услышав артиста, который, конечно, уже давно...

– Простите, синьора, – холодно перебил ее молодой человек, – я уже в гостиной объяснил всем, что могу претендовать лишь на дилетантство, так как по профессии я – купец.

Тот же удивленный взгляд, который Альмбах видел сегодня в театре у Вельдинга, остановился на его лице.

– Быть не может! Вы шутите! – воскликнула итальянка.

– Почему же не может быть, синьора? – спросил Альмбах. – Потому что мне удалось бегло исполнить технически трудную пьесу?

– Потому что вы сумели так исполнить ее, и еще потому... – Она пристально взглянула на него и после короткой паузы с уверенностью докончила: – Потому, что на вашем лице лежит печать гения.

– Вы видите, как наружность бывает обманчива! – засмеялся Альмбах.

Синьора Бьянкона, казалось, не была согласна с его последним замечанием. Она села на диван, и светлая воздушная ткань ее платья легким облаком легла на темный бархат обивки.

– Я удивляюсь, – снова начала она, – как вы могли с такими артистическими задатками посвятить себя столь будничной деятельности? Для меня это было бы невозможно. Я выросла в мире звуков и не могу понять, как в душе может оставаться место для других забот.

В голосе молодого человека звучала неприкрытая горечь, когда он ответил:

– Ваша родина – Италия, а моя – северогерманский торговый город. В нашем будничном существовании поэзия – весьма редкий и кратковременный гость, которому довольно часто отказывают в приеме. На первом плане всегда работа, неустанный труд и погоня за наживой.

– И у вас также? – с живостью спросила певица.

– По крайней мере должно было бы быть; моя сегодняшняя музыкальная попытка доказывает, что это не всегда так.

Певица с недоверием покачала головой.

– Попытка? Хотелось бы мне слышать вашу серьезную игру, чтобы знать, каков ваш талант. Однако неужели вы и в самом деле лишаете публику возможности наслаждаться этим талантом и проявляете его только в кругу своих близких?

– В кругу моих близких? – со странным ударением повторил Альмбаха. – Я не дотрагиваюсь до рояля при них... в особенности при своей жене.

– Вы уже женаты? – поспешно вырвалось у итальянки, и лицо ее внезапно побледнело.

– Да, синьора!

Это «да» прозвучало тяжело и холодно, и легкая усмешка, заигравшая было на губах певицы, когда она взглянула на двадцатичетырехлетнего Альмбаха, мгновенно исчезла.

– По-видимому, в Германии очень рано женятся, – спокойно заметила она.

– Иногда.

Пауза, наступившая после краткого ответа Альмбаха, очевидно, была несколько тягостна для молодой итальянки; она быстро перевела разговор на другую тему:

– Боюсь, что вы уже подверглись испытанию, о котором я предупреждала. Как бы то ни было, все в восторге от вашего исполнения.

– Может быть! – с небрежным жестом отозвался Альмбаха. – И тем не менее оно предназначалось не для всех.

– Не для всех? Для кого же? – спросила синьора Бьянконе, устремляя на него свой взгляд.

Альмбаха тоже взглянул на нее, и их взоры встретились. В глазах Альмбаха горел тот же огонь, что и во взоре артистки, в них светилась та же пылкая, страстная душа, мерцала та же демоническая искра, которая достается в удел только гениальным натурам и часто становится их проклятием, если любящая рука не охраняет их и если эта искра разгорается в пламя, несущее с собой не свет, а гибельное зло.

Он подошел ближе к артистке и, понизив голос, в котором, тем не менее, звучало глубокое волнение, заговорил:

– Я играл лишь для одной, в голосе которой, когда она несколько часов тому назад передавала бессмертное, гениальное произведение, воплотились его высшая красота и высшая поэзия как для меня, так и для всех. Вас сегодня всячески прославляли, синьора! Все, в чем могло выразиться восторженное преклонение, было положено к вашим ногам. Неизвестный вам, ничтожный человек тоже хотел высказать, насколько он вами восторгается, и он объяснил вам это на единственно достойном вас языке. Не чужд этот язык и для него.

В этих словах было нечто большее, чем простая любезность, в них звучал неподдельный восторг, и синьора Бьянконе была в достаточной степени артисткой, чтобы оценить его, в достаточной мере женщиной, чтобы понять, что скрывается за ним. Она очаровательно улыбнулась.

– Да, я убедилась в том, что вы отлично владеете им. Но неужели я больше не услышу вашу игру?

– Едва ли! – мрачно отозвался молодой человек. – Я знаю, что вы скоро возвращаетесь в Италию, а я... остаюсь у себя на севере. Бог весть, встретимся ли мы когда-нибудь!

– Наш импресарио намерен остаться здесь до мая, – быстро перебила его певица. – В таком случае наша сегодняшняя встреча будет не последней? Конечно, нет! Я надеюсь еще увидеть вас.

– Синьора!

Но страстная вспышка молодого человека была лишь мгновенной. Казалось, не то воспоминание, не то внезапное предостережение пронизало его; он отступил назад и низко, холодно поклонился.

– Боюсь, что она будет последней... прощайте, синьора!

Он исчез прежде, чем певица успела выразить свое удивление при столь странном прощании. Последнее, по-видимому, было вполне серьезно, так как в течение всего вечера Альмбах ни разу не подошел к пресловутому «солнечному кругу».

Глава 2

– Это из рук вон! Его мания переходит всякие границы. Я должен буду положить конец музыкальным занятиям Рейнгольда, если он будет так безрассудно предаваться им.

Таковыми словами старый Альмбах открыл семейное совещание, происходившее в гостиной его дома в присутствии жены и дочери. Самого виновника, к счастью, здесь не было.

Господин Альмбах, человек лет пятидесяти, со спокойными, ровными, несколько педантичными манерами – образец для всех служащих в его конторе, – видимо, был совершенно выведен из себя вышеупомянутой «манией», ибо с величайшим негодованием продолжал:

– Бухгалтер, возвращаясь сегодня ночью в четыре часа с юбилея, откуда я ушел ровно в полночь, видел садовый павильон освещенным и слышал, как Рейнгольд с таким увлечением предавался игре на рояле, что, наверно, не замечал ничего вокруг. Как водится, он не мог сопровождать меня на юбилейное торжество: сказался больным. А между тем его «невыносимая головная боль» нисколько не мешала ему сидеть до самого рассвета в нетопленном павильоне и неистовствовать за своим роялем. Конечно, вскоре я услышу от своих товарищей, что неспособность и небрежность моего зятя превосходят всякие границы. Это невыносимо! Ведь последний приказчик более осведомлен в ведении наших книг и больше интересуется делом, чем компаньон и будущий глава торгового дома «Альмбах и Компания». В течение всей своей жизни я трудился, чтобы сделать фирму солидной и заслуживающей уважения. А теперь вдруг увидел, что она попадет в такие руки!

– Я всегда говорила, что тебе следует запретить Рейнгольду всякие отношения с Вилькенсом, – ответила госпожа Альмбах. – Он, один только он виноват во всем. Никто не мог ладить с этим старым человеконенавистником-музыкантом; всякий избегал и ненавидел его, но для Рейнгольда это было только лишним поводом к самой тесной дружбе с ним. Изю дня в день они встречались, ну, он и набрался там этого музыкального бреда; учитель и перед смертью завещал его Рейнгольду. Не стало терпения с тех пор, как мы перенесли к себе в дом, оставленный ему в наследство, рояль... Элла, что ты скажешь о таком поведении своего мужа?

Молодая женщина, к которой были обращены последние слова, до сих пор не проронила ни слова. Она сидела у окна, низко склонив голову над вышиванием, и только при этом вопросе взглянула на говорившую.

– Я, милая мама?

– Да, ты, дитя мое, ведь ближе всего это касается именно тебя. Разве ты не видишь, с каким непростительным пренебрежением относится Рейнгольд к тебе и ребенку?

– Он так любит музыку! – почти прошептала Элла.

– Неужели ты намерена еще оправдывать его? – вспыхнула мать. – В том-то и несчастье, что он любит музыку больше жены и ребенка, что ему до вас никакого дела нет, для него главное – сидеть за роялем и фантазировать. Или ты не имеешь никакого представления о том, что может и чего должна требовать от своего мужа женщина, и о том, что первый ее долг – образумить его? Но, впрочем, от тебя, видимо, нечего ждать.

И в самом деле, судя по внешнему виду молодой женщины, от нее не приходилось ждать многого. Мало привлекательного было в ее наружности, единственное, что, пожалуй, можно было назвать в ней красивым, а именно хрупкий, девически стройный стан, совершенно скрывало неуклюжее домашнее платье, как будто специально сшитое с такой целью. По своей примитивной простоте оно гораздо более приличествовало служанке, чем дочери хозяина дома. Надо лбом Эллы виднелась только узенькая, гладко причесанная белокурая прядь, остальные волосы совершенно исчезали под скромным чепцом, который пристал бы скорее ее матери и уж никак не подходил к лицу девятнадцатилетней женщины. Это бледное, лишенное всякого выражения лицо с опущенными глазами не могло ни в ком возбудить интереса, на нем запе-

чатлелось какое-то безучастие, граничащее с тупостью, и в тот момент, когда она оставила свое вышивание и подняла взор на мать, в нем отразились такая робкая беспомощность и растерянность, что Альмбах счел нужным прийти на помощь дочери.

– Оставь в покое Эллу! – сказал он жене сердитым и в то же время сострадательным тоном, каким обычно отклоняют вмешательство ребенка. – Ты ведь знаешь, с ней не стоит ничего обсуждать. Да и что она может тут сделать! – Он пожал плечами и с горечью продолжал: – Вот мне награда за самопожертвование, с которым я взвалил на себя заботы о воспитании осиротевших сыновей своего брата. Гуго, забыв и всякую благодарность, и благоразумие, тайно бежит из дома, а Рейнгольд, выросший у меня в доме, на моих глазах, причиняет мне тяжкие заботы своей склонностью к сумасбродствам. Но этого я все же еще держу в руках и теперь подтяну вожжи так, что у него пропадет охота заниматься глупостями.

– Да, неблагодарность Гуго в самом деле вопиюща, – подтвердила госпожа Альмбах. – Глубокой ночью, в мрак и ненастье, бежать из-под нашего крова, отправиться в море «искать счастья по белу свету», как было написано в оставленном им прощальном письме, – это и в самом деле ужасно! Однако он как будто и нашел его. Уже два года тому назад пришло письмо от «капитана» Рейнгольду, который недавно говорил и о предстоящем его возвращении.

– Гуго не переступит моего порога, – с торжественным жестом заявил купец. – Я ничего не знаю о его переписке с Рейнгольдом, да я и не хочу вовсе слышать о ней. Пусть они переписываются у меня за спиной, но если этот выродок осмелится показаться мне на глаза, он узнает, что значит гнев оскорбленного дяди и опекуна.

Пока родители горячо занимались, очевидно, излюбленной темой разговора, Элла незаметно вышла из комнаты и спустилась по лестнице в контору, помещавшуюся в нижнем этаже дома. Молодая женщина знала, что теперь, в обеденный час, там нет никого из служащих, и это обстоятельство придало ей духа пойти туда.

Контора была большой мрачной комнатой, которой голые стены и окна с решетками придавали вид тюрьмы. Никто не позаботился сделать ее сколько-нибудь комфортабельной или, по крайней мере, придать ей более приветливый вид... для чего? Все необходимое для работы ведь было налицо, остальное – роскошь, а роскоши торговый дом «Альмбах и Компания» не допускал никогда и ни в чем.

В тот момент, когда молодая женщина вошла в контору, там не было никого, кроме молодого Альмбаха, сидевшего за конторкой перед раскрытой торговой книгой. Бледный, с утомленным видом и взглядом, устремленным отнюдь не на цифры, а на узенькую полоску солнечного света, пересекавшую комнату, он казался узником, который с горечью и страстным желанием любит проникшим в его камеру солнечным лучом, вестником жизни и свободы. Он едва повернул голову на звук отворяемой двери и равнодушно спросил:

– Кто там? Что тебе, Элла?

Всякая другая женщина при подобном вопросе, конечно, подошла бы к мужу и положила руку ему на плечо, но Элла остановилась у порога – таким холодом повеяло от его вопроса... Она явно пришла не вовремя.

– Я хотела спросить, как твоя головная боль? – робко начала она.

– Моя головная боль? – недоуменно повторил Рейнгольд и тотчас спохватился: – Да... да... Спасибо, она прошла.

Молодая женщина прикрыла дверь и подошла ближе к мужу.

– Папа и мама очень недовольны, что ты не был вчера на юбилейном торжестве, а вместо того всю ночь играл на рояле, – нерешительно проговорила она.

Рейнгольд нахмурился:

– Кто же это опять сказал им? Ты, может быть?

– Я? – отозвалась Элла, и в ее голосе прозвучал упрек. – Бухгалтер, возвращаясь под утро домой, видел павильон освещенным и слышал твою игру.

Презрительная усмешка заиграла на губах молодого человека.

– Ах, вот что! Я и не подумал об этом. Не предполагал, что у этих господ после их юбилея явится охота и найдется время для наблюдений. Разумеется, для сыска они всегда достаточно трезвы.

– Отец говорит... – начала, было, Элла.

– Что он говорит? – вспыхнул Рейнгольд. – Может быть, ему мало того, что я с утра до вечера прикован здесь, в конторе? Ему досадно, что я по ночам ищу отдохновения в музыке? Я считал, что я и мой рояль изгнаны достаточно далеко, ведь павильон расположен так уединенно, что я могу не опасаться нарушить сон праведных в этом доме. К счастью, здесь не слышно ни звука.

– Напротив, – тихо возразила молодая женщина, – я слышу каждый звук, когда кругом ночная тишина, а я лежу в постели и не могу заснуть.

Рейнгольд обернулся и посмотрел на жену. Она стояла с опущенным взором, без всякого выражения на лице. Его взгляд скользнул по ее фигуре, как будто он бессознательно сравнивал ее с кем-то, и горечь еще резче проступила на его лице.

– Очень жаль, – холодно заметил он, – но здесь я не в силах помочь – ведь окна твоей спальни выходят в сад. Что ж, закрывай ставни. Тогда мои музыкальные «сумасбродства» не будут нарушать твой сон.

Он перевернул страницу и, по-видимому, углубился в цифры. Элла подождала две-три минуты, но, видя, что на ее присутствие не обращают ни малейшего внимания, вышла так же тихо и беззвучно, как и вошла. Однако едва она переступила порог, Рейнгольд отшвырнул от себя книгу. Взор, которым он окинул затем всю обстановку конторы, выражал самую жгучую ненависть; он тяжело вздохнул, опустил голову на руки и закрыл глаза, как будто не хотел ничего видеть и слышать.

– Здорово, Рейнгольд! – неожиданно прозвучал позади него мужской голос.

Молодой Альмбах вскочил и уставился изумленным, вопрошающим взором на незнакомца в форме моряка, незаметно вошедшего в контору и стоявшего теперь перед ним.

Но вдруг лицо его вспыхнуло радостью, и он бросился в объятия незнакомца.

– Возможно ли, Гуго?! Ты уже здесь?

Две сильные руки обняли его, и горячие губы прижались к его губам.

– Так ты узнал меня? – воскликнул моряк. – Тебя я узнал бы среди тысячной толпы, хоть ты уже не тот маленький Рейнгольд, каким я оставил тебя! Но ведь и я изменился, должно быть, не менее твоего.

В первых его словах слышалось некоторое волнение, но конец фразы был произнесен уже веселым тоном. Рейнгольд все еще не выпускал брата из своих объятий.

– Так внезапно!.. Не известив меня! Я ждал тебя только на будущей неделе.

– Мы неожиданно быстро завершили рейс, – ответил моряк. – А как только вошли в гавань, я не мог уже ни минуты оставаться на борту, меня прямо тянуло к тебе. Слава Богу, что я застал тебя одного! Я уже боялся, что придется пройти через чистилище родительского гнева и сразиться со всей родней, чтобы добраться до тебя.

При этом напоминании лицо Рейнгольда, сиявшее радостью свидания, снова омрачилось, и руки бессильно опустились.

– Тебя еще никто не видел? – спросил он. – Ты знаешь, как дядя настроен против тебя с того дня...

– Когда я ускользнул от его намерения привинтить меня к конторке и убежал из дома? – перебил его Гуго. – Знаю, конечно, и представляю себе суматоху, поднявшуюся в доме, когда обнаружили мое отсутствие. Но ведь этой истории уже почти десять лет, а «никчемный» не умер и не погиб, как, несомненно, сотни раз предрекала и даже, более того, желала ему их родственная любовь. Он возвращается почтенным капитаном первоклассного судна, снабжен-

ный наилучшими рекомендательными письмами к вашим главным торговым домам. Неужели такие успехи в торговом мореплавании не смягчат разгневанного сердца главы фирмы «Альмбах и Компания»?

Рейнгольд подавил вздох.

– Брось шутить, Гуго! Ты не знаешь дяди, не знаешь условий жизни в его доме.

– Нет, я вовремя сбежал отсюда, – подтвердил капитан. – Во всяком случае это был лучший выход... и тебе нужно поступить так же.

– Зачем так говорить? А жена, ребенок?

– Ах, да! – смущенно воскликнул капитан. – Я все забываю, что ты женат. Бедный мальчик! Тебя предусмотрительно заковали в цепи! Брачные узы вернее всего пресекают попытки к свободе. Ну, не сердись! Я охотно верю, что никто силой не тащил тебя к алтарю, но привел к нему, конечно, дядя, а меланхолическая поза, в которой я застал тебя, совсем не говорит о супружеском счастье. Дай-ка мне прямо взглянуть в твои глаза, чтобы видеть, что у тебя на душе.

Капитан без церемоний схватил брата за руку и потащил к окну. При ярком дневном свете стало особенно хорошо видно, до чего непохожи братья друг на друга, хотя черты их и имели несомненное сходство. Капитан был старше Рейнгольда; сильная, но вместе с тем изящная фигура, красивое, открытое, загоревшее под лучами солнца и обветренное лицо, слегка выющиеся волосы и блестящие, веселые карие глаза – все его существо было проникнуто смелым и гордым духом, обнаруживавшимся при каждом движении. Свободная и уверенная осанка выдавала человека, привыкшего к самой различной обстановке и всевозможным случайностям и отличавшегося при этом такой живой и неподдельной любезностью, против которой трудно было устоять.

Внешность Рейнгольда производила совершенно другое впечатление. Худощавый и бледный, с гораздо более темными, чем у капитана, волосами и серьезным, даже мрачным взглядом больших темных глаз, он невольно привлекал внимание каким-то загадочным выражением. Гуго, пожалуй, мог показаться красивее брата, но сравнение было, безусловно, не в его пользу: Рейнгольд был в высшей степени «интересен», а перед этим редким и опасным свойством часто отступает даже совершенная красота.

Молодой человек поспешил уклониться от критического осмотра.

– Здесь тебе нельзя оставаться, – решительно заговорил он. – Дядя с минуты на минуту может войти, и тогда произойдет страшная сцена. Я пока отведу тебя в садовый павильон, предназначенный специально для меня. Придется тебе или нет увидаться с дядей и тетей, но все же необходимо сообщить им о твоём приезде. Я пойду и скажу...

– И выдержишь сам всю бурю? – перебил его капитан. – Оставь, это мое дело! Я сейчас же пойду представиться родственникам в качестве покорного племянника.

– Да ты с ума сошел, Гуго! – воскликнул Рейнгольд. – Они ведь и не подозревают о твоём возможном приезде.

– Тем лучше! Внезапный натиск помогает овладеть самыми неприступными крепостями, и я давно радовался мысли бомбой налететь на своих грозных родственников и посмотреть, как вытянутся их физиономии. Но ты, Рейнгольд, должен обещать мне, что спокойно подождешь здесь моего возвращения. Тебе больно будет присутствовать при том, как на мою грешную голову выльется вся чаша их родственного гнева. В братском самоотвержении ты, конечно, пожелаешь принять на себя часть направленного на меня гнева, а это разрушит весь мой стратегический план... Иона, иди сюда! – Он открыл дверь и впустил в контору человека, до сих пор ожидавшего в сенях. – Вот мой брат! Смотри на него хорошенько! Ты должен рапортовать ему... Ты обещаешь мне, Рейнгольд, – обратился он снова к брату, – в течение получаса не появляться в комнатах у дядюшки? Я сам приведу там все в порядок, хотя бы для того мне пришлось атаковать весь дом.

Не успел Рейнгольд возразить что-нибудь, как его брат уже скрылся за дверью. Ошеломленный быстрой сменой впечатлений в последние десять минут, Рейнгольд молча смотрел на широкую, почти квадратную фигуру вошедшего человека. Тот опустил на пол внесенный им изящный чемодан и вытянулся возле него по стойке смирно.

– Матрос Вильгельм Иона с корабля «Эллида». В настоящее время в услужении у их высокородия капитана Альмбаха! – отрапортовал он и попытался сделать движение, которое, вероятно, должно было изобразить почтительный поклон, но не имело с ним ни малейшего сходства.

– Отлично! – рассеянно произнес Рейнгольд. – Оставьте пока свой багаж! Мне нужно прежде всего знать, как долго думает побыть здесь брат.

– Мы останемся несколько дней у дядюшки, – совершенно спокойно ответил Иона.

– Вот как? Это уже решено?

– Точно так!

– Не понимаю Гуго, – пробормотал Рейнгольд, – он как будто и не подозревает, какая встреча ему предстоит, а ведь мои письма должны были достаточно его подготовить. Я не могу допустить, чтобы он один выдержал всю бурю.

Он сделал движение по направлению к двери, но коренастая фигура матроса совершенно заслонила ее; молодой Альмбах окинул его изумленным и в то же время сердитым взглядом, однако тот не тронулся с места, а лишь лаконично заявил:

– Его высокородие господин капитан изволили сказать, что они сами все приведут в порядок там, наверху; они разом все уладят.

– В самом деле? – спросил Рейнгольд, пораженный непоколебимой уверенностью, с которой были произнесены эти слова. – По-видимому, вы отлично знаете своего капитана.

– Великолепно!

Нерешительно, словно колеблясь, подчиниться ему воле брата или нет, Рейнгольд подошел к окну, выходявшему на двор, и увидел трех-четырёх слуг, которые с выражением отчаянного любопытства пытались заглянуть в контору. У него вырвался возглас сдержанной досады, и он снова обернулся к матросу:

– В доме, очевидно, уже все узнали о прибытии брата. Ведь чужие у нас в конторе вовсе не редкость, значит, именно вы возбуждаете такое любопытство.

– Ничего не значит, – проговорил Иона. – Пусть себе весь дом на нас глазееет, это для нас не ново. Дикари на южных островах поступают точно так же, когда «Эллида» бросает там якорь.

Лестное сравнение для обитателей дома! К счастью, его никто не слышал, за исключением Рейнгольда, а тот все же счел необходимым удалить предмет всеобщего любопытства. Он приказал Ионе пройти в соседнюю комнату и ждать там капитана, сам же остался в конторе и стал прислушиваться, не донесутся ли голоса спорящих: частная квартира Альмбаха была в верхнем этаже. Молодой человек боролся с самим собой, не зная, исполнить ли так категорически поставленное ему братом условие и предоставить Гуго самому себе или по крайней мере попытаться прикрыть его неизбежное отступление. А в том, что оно неизбежно, Рейнгольд ни минуты не сомневался. Он так часто присутствовал при обвинительных приговорах семьи над его братом, что боялся сцены, которую и тот не в состоянии будет выдержать. Однако он слишком хорошо знал свое собственное положение по отношению к дяде, чтобы не предвидеть, что его вмешательство лишь ухудшит дело.

Прошло более получаса в этом мучительном ожидании; наконец, раздались уверенные шаги, и в контору вошел капитан.

– А вот и я! – воскликнул он. – Дело улажено.

– Что улажено? – поспешно спросил Рейнгольд.

– Разумеется, примирение. Я только что, как любимый племянник, переходил из объятий дядюшки в объятия тетюшки. Пойдем навстречу, Рейнгольд! Тебя только и не хватает для полноты картины. Но ты должен быть готов к трогательному зрелищу: они все плачут.

Рейнгольд недоверчиво взглянул на брата:

– Не знаю, Гуго, ты шутишь или...

Молодой капитан весело расхохотался.

– Ты, кажется, совсем не доверяешь моим дипломатическим способностям. Во всяком случае не думай, что дело уладилось совсем легко! Я, конечно, приготовился к буре, но здесь решительно свирепствовал ураган... Ну и что ж? Мы, моряки, люди привычные. А когда мне удалось заговорить, до чего не так-то скоро дошло, победа уже была решена. Я мастерски разыграл возвращение блудного сына; я призывал небо и землю в свидетели моего исправления, рискнул даже упасть к ногам, и это подействовало, по крайней мере на тетюшку. Я обеспечил себе прежде всего слабейший – женский – фланг, чтобы затем соединенными силами ударить в центр, и победа была блестящей! Помилование по всей форме! Группа мира... Но, Боже мой, не смотри на меня так недоверчиво! Уверю тебя, я говорю совершенно серьезно!

Рейнгольд недоумевающе покачал головой, но невольно облегченно вздохнул.

– Вот и понимай, как хочешь! Я считал это совершенно невозможным! Видел ты... мою жену? – спросил он каким-то странным тоном.

– Разумеется, – протяжно ответил Гуго. – То есть видел-то совсем немного, а слышал и того менее, так как она совершенно ступала при этой сцене и даже не плакала вместе с другими. Все та же маленькая кузина Элеонора, в детстве постоянно забиравшаяся в угол, откуда не могли выбить ее даже наши мальчишеские проказы... И она-то стала твоей женой! Но теперь я должен полюбоваться отпрыском дома Альмбаха. Где он у вас?

Рейнгольд поднял на брата глаза, и его суровое лицо как-то разом просветлело.

– Моего мальчика? Я покажу тебе его. Пойдем к нему!

– Слава Богу, наконец-то я вижу проблеск счастья на твоём лице! – произнес капитан с серьезностью, которой даже трудно было ожидать от него. – До сих пор я тщетно искал его в тебе, – добавил он тихо.

Глава 3

Торговый дом «Альмбах и Компания» пользовался хорошей репутацией как на бирже, так и вообще в коммерческом мире, хотя, как уже упоминалось, и не был особенно значительным. Отношения его главы с консулом Эрлау были не исключительно делового свойства; их дружба началась еще в то время, когда они мальчишками без всяких средств поступили в ученье в один и тот же торговый дом. Один из них впоследствии сделался богатым негоциантом, и его корабли бороздили почти все моря земного шара, а торговые связи распространились на все части света. Другой основал скромный торговый дом, дела которого никогда не выходили за известные пределы. Альмбах робел перед смелыми спекуляциями, боялся больших предприятий, да и не был создан для того, чтобы руководить ими; он предпочитал умеренный, но верный барыш и почти никогда не обманывался. Его общественное положение так же отличалось от положения Эрлау, как старинный, мрачный дом с высокой крышей и решетчатыми окнами на канале не имел ни малейшего сходства с княжеским дворцом консула на портовой набережной.

Дружба бывших товарищей по учению мало-помалу ослабела, но в этом был всецело виноват один лишь Альмбах. Он никак не мог свыкнуться с тем, что консул, сделавшись миллионером, стал жить на широкую ногу, как того требовало его положение. А может быть, не мог простить другу юности и то обстоятельство, что тот занял первое место там, где Альмбах стоял только в третьем или в четвертом ряду. В деловых отношениях он, однако, умело пользовался теми выгодами, которые доставляло ему близкое знакомство с фирмой Эрлау, в то же время старательно оберегая свой мещанский и несколько старомодный обиход от всякого соприкосновения с домом консула.

Эрлау в конце концов убедился в том, что его приглашения далеко не охотно принимаются Альмбахом, и совершенно прекратил их; уже несколько лет их знакомство ограничивалось случайными встречами на бирже или где-нибудь в нейтральном месте. Незадолго перед началом нашего рассказа неотложное дело потребовало личного свидания с консулом, и Альмбах послал вместо себя своего зятя. Он воспринял как неприятность результат этого свидания – приглашение Рейнгольда в оперу и на вечер к консулу. Отказаться от приглашения было невозможно, но перед домашними старый купец несколько не скрывал своей досады по поводу того, что Рейнгольд соприкоснулся с «жизнью набоба», как старик называл образ жизни друга своей юности.

Несмотря на все это, Альмбах был зажиточным, даже, по всеобщему убеждению, богатым человеком, вследствие чего стал главной поддержкой своей многочисленной родни, не слишком щедро наделенной земными благами. Таким образом, в частности, на его плечи свалилась забота о воспитании двух племянников, которых отец, морской капитан, оставил без всяких средств к существованию.

У Альмбаха был всего один ребенок, рождению которого он не придавал особой важности, так как это была девочка. Супруги Эрлау стали ее восприемниками, и Альмбах поистине решился на самопожертвование, назвав свою дочь в честь госпожи Эрлау ее именем; он терпеть не мог романтически-напыщенное имя «Элеонора» и поспешил переименовать его в более простое – Эллу. Последнее действительно казалось более подходящим, потому что все считали Эллу Альмбах не только простым, но даже весьма ограниченным существом, кругозор которого не простирался далее хозяйственных забот и семейных дел. Девочка в раннем детстве была очень болезненной, и, может быть, это отразилось на ее умственных способностях, а одно-стороннее, чисто хозяйственное, воспитание в доме родителей, исключавшее всякие другие понятия и идеи, по-видимому, тоже не способствовало ее развитию. Девочка выросла тихой и робкой, никто не считался с нею, никому она не была нужна, и даже ближайшие родственники

никогда не учитывали ее интересов. Все привыкли смотреть на нее, как на совершенно беспомощное, тупоумное создание, и даже замужество нисколько не изменило ее положения.

Ни Рейнгольду, ни Элле и в голову не пришло возражать против давно задуманного и давно известного им брачного плана. Какая могла быть воля у семнадцатилетней девушки и двадцатидвухлетнего молодого человека, выросших в такой зависимости? К тому же существовала привычка к совместной жизни, которая легко переходит во взаимную склонность, но Рейнгольд испытывал к Элле лишь сострадание и жалость, а она – только инстинктивный страх перед своим кузеном, далеко превосходившим ее по своему умственному развитию. Покорно протянули они друг другу руки при помолвке и через год были обвенчаны. Над обоими по-прежнему царил скипетр Альмбаха; назвав своего зятя компаньоном, старый купец так же мало предоставлял ему самостоятельности в деле, как его почтенная супруга – молодой хозяйке в хозяйстве.

Глава 4

В воскресенье контора была закрыта, и Рейнгольд мог полностью распоряжаться своим послеобеденным временем, что довольно редко выпадало на его долю. Он сидел в садовом павильоне, который после многократных битв ему удалось получить в свое единоличное пользование под предлогом музыкальных упражнений, «надоедающих всем в доме». Только здесь молодой человек мог считать себя до известной степени свободным от вечного контроля тестя и тещи, простиравшегося даже на комнаты молодых, и он пользовался каждой свободной минутой, чтобы отдохнуть в своем убежище.

Так называемый сад был таким, какой вообще возможен в старых, тесно застроенных и густонаселенных городских кварталах. Высокие стены и крыши с трех сторон окружали небольшой участок земли, пропуская в него лишь крохи света и воздуха; несколько деревьев и кустов влачили здесь жалкое существование. В качестве естественной границы с четвертой стороны тянулся один из тех узких каналов, которые прорезают город Г. во всех направлениях, и его медленно текущие мутные воды служили для садика довольно мрачным фоном. По ту сторону канала возвышались все те же каменные стены. Весь дом Альмбаха удивительно походил на тюрьму, и это сходство накладывало свой отпечаток даже на единственно свободный клочок земли – маленький садик.

Расположенный в нем павильон едва ли был намного приветливее, единственная его вместительная комната отличалась более чем простым убранством. При взгляде на старомодную мебель сразу становилось ясно, что когда-то ее за ненадобностью убрали в сарай, а потом она снова появилась на свет Божий, чтобы составить необходимейшую обстановку комнаты. Единственным украшением комнаты был великолепный рояль, стоявший у окна, обвитого чахлыми побегами дикого винограда, – наследство покойного директора музыкального училища, оставленное им своему ученику Рейнгольду. Среди нищенской обстановки комнаты этот дорогой инструмент производил такое же странное, необыкновенное впечатление, как присутствие молодого человека с идеально вылепленным лбом и пламенным взором за решетчатыми окнами конторы.

Рейнгольд сидел за столом и писал, но в его лице не было того усталого, апатичного выражения, которым оно отличалось, когда перед ним лежали счетные книги: на его щеках пылал почти лихорадочный румянец, а рука, быстро надписывавшая чье-то имя на почтовом конверте, слегка дрожала, как будто от сдерживаемого волнения. Послышались шаги, и стеклянная дверь приоткрылась. Быстрым движением молодой человек сунул конверт под лежащие на столе листы нотной бумаги и обернулся.

Вошел Иона, слуга капитана. Гуго всего лишь на несколько дней воспользовался предложенным ему гостеприимством родственников и затем перекочевал на собственную квартиру. Матрос неловко поклонился и, положив связку книг на стол, произнес:

– Господин капитан приказали вам кланяться и передать вот эти книги из их дорожной библиотеки.

– Разве брат не придет сам? – удивленно спросил Рейнгольд. – Ведь он обещал.

– Господин капитан уже давно здесь, – отрапортовал Иона, – только их опять, должно быть, задержали там, в доме: дядюшка желали посоветоваться с ними о разных домашних делах, тетюшка требовали их помощи при перестановке мебели в гостиной, а бухгалтер непременно хотел залучить его в свой клуб. Его рвут на части, и он не может отделаться от них.

– Гуго за одну неделю, как видно, покорила весь дом, – иронически заметил Рейнгольд.

– Мы повсюду так поступаем, – произнес Иона, преисполненный чувства собственного достоинства.

Он уже приготовился много кое-чего рассказать относительно победоносного шествия по жизни своего капитана, но ему помешал приход последнего.

Гуго весело приветствовал брата:

– С добрым утром, Рейнгольд! Ну, Иона, что тебе здесь нужно? Пошел на кухню, тебя там ждут, и я обещал тетушке, что ты поможешь служить за столом. Живо, кругом марш!

– К бабам? – спросил матрос, и его лицо недовольно вытянулось.

– Скажите на милость!.. «К бабам»! И откуда этот человек заразился такой ненавистью к женщинам, – смеясь, проговорил Гуго в сторону брата. – Конечно, не от меня: я чрезвычайно обожаю прекрасный пол.

– Да, к сожалению, даже слишком, – проворчал про себя Иона, но послушно повернулся левым плечом вперед и замаршировал к двери.

Капитан подошел к брату и начал торжественным тоном, бесподобно подражая старику Альмбаху:

– Сегодня у нас большой семейный обед... В честь меня, разумеется! Надеюсь, ты с должным почтением отнесешься к этому событию и снова станешь вести себя так, чтобы я мог, не в ущерб себе в высшем свете, показать семье всю свою любовь.

Рейнгольд пожал плечами:

– Прошу тебя, Гуго, будь же, наконец, серьезнее! Долго ли еще ты станешь разыгрывать эту комедию и поднимать на смех весь дом? Берегись, чтобы не догадались, какого рода твоя любезность, и не поняли, что за ней кроется простая насмешка.

– Действительно, это было бы скверно, – спокойно произнес Гуго, – но будь покоен, не догадаются.

– Так доставь по крайней мере мне удовольствие и перестань рассказывать свои ужасные индийские сказки! Право, ты уже хватаешь через край. Вчера дядя и то спорил с бухгалтером относительно твоего рассказа о борьбе с удавом, только что сочиненного тобой для них, даже ему он показался маловероятным. Я сгорал от стыда, присутствуя при их диспуте.

– От стыда? – усмехнулся капитан. – Если бы я был при том, то сразу же ответил бы историей охоты на слонов или на тигров, либо рассказал кое-что о нападениях дикарей, и с таким эффектом, что у них волосы стали бы дыбом, – тогда сказка об удаве показалась бы им в высшей степени вероятной... Не беспокойся! Я отлично знаю своих слушателей, недаром все в доме буквально готовы задушить меня проявлениями своих симпатий.

– За исключением Эллы, – перебил его Рейнгольд. – Странно даже, ничем не победить ее страха перед тобой.

– Да, в самом деле очень странно, – как бы с сожалением согласился Гуго. – Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь в доме сомневался в моих совершенствах, и потому решил сегодня же пустить в ход всю свою неотразимую привлекательность против моей милой невестки. Я твердо уверен, что после этого и она примкнет к большинству... Надеюсь, ты не против?

– Рекомендовать что-то в отношении Эллы? – Молодой человек не то с сожалением, не то презрительно пожал плечами. – С чего тебе пришло в голову?

– Да это и не опасно, – спокойно продолжал Гуго. – Я уже неоднократно пытался поговорить с нею по душам, но она все время занята исключительно ребенком. Скажи, пожалуйста, откуда у твоего сына, Рейнгольд, такие чудесные голубые глаза? На твои они несколько не похожи; между тем я не знаю никого из родных...

– Мне кажется, у Эллы тоже голубые глаза, – равнодушно перебил его брат.

– Тебе только кажется? Ты еще не успел убедиться? Впрочем, это и не так-то легко: твоя жена никогда не поднимает их, да и вообще под ее огромным чепцом совершенно не видно лица, Рейнгольд, скажи мне, ради Бога, как ты позволяешь ей носить такие допотопные платья? Уверяю тебя, что одно только это было бы вполне уважительным поводом для развода.

Рейнгольд сел за рояль и стал машинально перебирать клавиши.

– Я не обращаю внимания на туалеты Эллы, – равнодушно ответил он, – и полагаю, что совершенно бесполезно настаивать на изменениях в них. Да и какое мне дело?

– Какое тебе дело, как одевается твоя жена? – повторил капитан, взяв со стола несколько нотных листов и бегло просматривая их. – Премилый вопрос в устах молодого супруга! У тебя было когда-то очень тонкое чутье ко всему прекрасному, и я почти боюсь... А что это такое? «Синьоре Беатриче Бьянконе в Г.». У тебя в городе завелась итальянская корреспондентка?

Рейнгольд вскочил. Замешательство и неудовольствие выразились на его лице, когда он увидел письмо, спрятанное им под нотную бумагу, в руках брата.

– Беатриче Бьянконе? – как ни в чем не бывало повторил капитан. – Да ведь это примадонна оперы, производящая здесь неслыханный фурор. Разве ты знаком с ней?

– Совсем мало, – ответил Рейнгольд, выхватывая письмо из рук брата. – Я был недавно представлен ей на вечере у консула Эрлау.

– И уже в переписке с нею?

– Вовсе нет, в письме нет ни одной строчки.

Гуго громко рассмеялся:

– Конверт с подробно написанным адресом, массой бумаги внутри и ни одной строчки на ней? Милый Рейнгольд, это еще невероятнее моей сказки об удаве. Неужели ты всерьез думаешь, что я поверю тебе? Не смотри на меня так мрачно, я не собираюсь проникать в твои тайны.

Вместо ответа Рейнгольд вытащил лист бумаги из незапечатанного конверта и показал брату.

– Что это значит? – воскликнул тот, с изумлением взглянув на лист. – Романс... текст и музыка... и ни слова более... только твоя подпись. Ты сам сочинил это?

Рейнгольд взял листок из рук брата, вложил его в конверт и, запечатав, положил к себе в карман.

– Это лишь опыт, не более. Она в достаточной степени артистка, чтобы оценить его, пусть одобрит или бросит – ее дело!

– Так ты сочиняешь? – спросил капитан, и лицо его сразу приняло серьезное выражение. – Я не думал, что твоя страсть к музыке дойдет до творчества. Бедный Рейнгольд! Как же ты можешь выносить эту жизнь среди бессердечных и ограниченных людей, готовых задушить всякую искру поэзии, как нечто лишнее и опасное? Я бы не выдержал!

Рейнгольд снова бросился на стул перед роялем.

– Не спрашивай, пожалуйста, как я выношу, – ответил он сдавленным голосом. – Довольно того, что выношу!

– Я уже давно подозревал, Рейнгольд, что ты был неискренен в своих письмах, – продолжал Гуго, – что под довольством жизнью, которым ты старался прикрыться от меня, таится нечто совершенно иное. Во время моего недельного пребывания в доме мне все стало ясно, хотя ты и прилагал все усилия к тому, чтобы скрыть это от меня.

Рейнгольд мрачно смотрел перед собой.

– К чему было мучить тебя на чужбине еще и своими неприятностями? Тебе и без того нелегко жилось. Притом было время, когда меня действительно вполне удовлетворяла моя судьба, или по крайней мере мне так казалось, и я в тупом безразличии ко всему, касающемуся лично меня, подставил руки, чтобы на них наложили цепи. Да, я сделал так сам, добровольно, и теперь буду всю жизнь покорно влачить эти цепи.

Гуго подошел к брату и положил руку ему на плечо.

– Ты подразумеваешь свой брак с Эллой? При первом же известии о нем я сразу решил, что это дело дядюшкиных рук, и только.

Горькая усмешка появилась на губах Рейнгольда, и он резко ответил:

– Дядюшка всегда отличался большими математическими способностями и здесь только лишний раз доказал их. Бедный родственник, из жалости принятый в дом и пригретый, должен считать великим счастьем, что его сделали сыном и наследником, а ведь дочери нужно когда-нибудь выйти замуж; к тому же таким браком обеспечивалось родовое имя за преемником фирмы. Ни Элла, ни я не виноваты в том, что нас связали. Мы оба были молоды, слабовольны, не знали ни самих себя, ни жизни. Она, к счастью, и останется такой навсегда, мне же теперь очень нелегко.

Капитан склонился над братом, и взгляд его смелых карих глаз был неузнаваемо серьезным.

– Рейнгольд! – тихо произнес он. – В ту ночь, когда я бежал, чтобы избежать произвола, грозившего моей будущей свободной жизни, я все предвидел и обдумал, одного лишь я не предусмотрел, самого тяжелого для меня, а именно той минуты, когда я стоял над твоим изголовьем, чтобы проститься с тобой. Ты спокойно спал и не подозревал о близкой разлуке. А я... когда я увидел твое бледное личико на подушке и сказал себе, что пройдут, может быть, долгие годы, прежде чем я снова увижу тебя, то готов был оставить все свои свободолюбивые мечты и едва поборол в себе искушение разбудить тебя и взять с собой. Позже, лишенный родного угла, идя тернистым путем искателя приключений, в борьбе с опасностями и лишениями, я часто благодарил Бога за то, что противостоял тогда искушению... Ведь я знал, что ты спокойно живешь под мирной кровлей, а теперь... – Сильный голос Гуго дрогнул. – Теперь я жалею, что не увлек тебя с собой, в жизнь, полную лишений, бурь и опасностей, но зато свободную. Это было бы лучше.

– Было бы лучше! – беззвучно повторил Рейнгольд и вдруг вскочил со стула. – Прекратим этот разговор! К чему сетования, когда сделанного все равно не вернешь? Пойдем! Нас ждут там, наверху.

– Как я хотел бы, чтобы ты был со мной на моей «Эллиде». Повернуться бы спиной ко всей этой компании и распрощаться с ней навсегда! – вздохнув, произнес моряк, собираясь последовать приглашению брата. – Я никак не думал, что дело так плохо...

Не успели братья войти в дом, как оказалось, что без Гуго там никак не могли обойтись. Его осаждали со всех сторон: каждому нужны были его совет и помощь. Молодой капитан обладал завидной способностью мгновенно переходить от одного настроения к другому; едва замерли слова грустного объяснения с братом, как он уже снова был весел и беззаботен, внимателен ко всем и сыпал комплиментами, скрывавшими в себе беспощадную насмешку.

На сей раз, по выражению Ионы, капитана «поймал-таки» бухгалтер, чтобы поговорить с ним о делах своего клуба. Пока они обсуждали эти дела, Рейнгольд вошел в столовую, где его жена спешно готовила все к приему гостей. Сейчас Элла была одета по-праздничному, что, впрочем, мало изменило ее внешность: платье было только из более тонкой материи, но ничуть не наряднее. Огромный чепец, внушавший ужас Гуго, и сегодня скрыв ее лицо. Молодая женщина занималась своими хозяйственными хлопотами с таким рвением, что, по-видимому, вовсе не заметила прихода мужа, и обратила на него внимание только тогда, когда он с мрачной миной на лице подошел к ней вплотную и произнес:

– Я просил бы тебя, Элла, в будущем побольше считаться с моими желаниями и уделять моему брату то внимание, какого он вправе ожидать от своей невестки. Я думаю, что обращение с ним твоих родителей могло бы служить тебе отличным примером; однако ты, очевидно, находишь удовольствие в том, чтобы отказывать ему в каких бы то ни было родственных правах, и положительно выказываешь антипатию к нему.

На этот выговор, сделанный далеко не ласковым тоном, молодая женщина отвечала так же робко и беспомощно, как и тогда, когда мать требовала от нее принять меры против музыкальной «мании» мужа.

– Не сердись на меня, Рейнгольд, – тихо возразила она, – но я не могу... право, не могу иначе.

– Не можешь? – резко спросил Рейнгольд. – Ну да, это твоя постоянная отговорка, когда я прошу о чем-нибудь. Однако сейчас я решительно настаиваю на том, чтобы ты изменила свое отношение к Гуго. Смешно видеть, как ты избегаешь его и упорно молчишь, когда он обращается к тебе. Seriously прошу тебя подумать о том, чтобы мой брат не находил меня достойным сострадания.

Элла, казалось, хотела ответить, но последняя беспощадная фраза мужа лишила ее дара речи. Она опустила голову и не сделала ни малейшей попытки защищаться. Это движение, полное кроткой покорности, обезоружило бы всякого, но Рейнгольд не обратил на него никакого внимания. Из соседней комнаты донесся голос прощающегося старого бухгалтера:

– Значит, мы можем рассчитывать, что вы вступите в наш клуб, господин капитан, а теперь, когда предстоят выборы нашего президента, вы дадите мне слово встать в ряды оппозиции?

– К вашим услугам, – прозвучал ответ Гуго, – само собой разумеется, я примкну к оппозиции. Я считаю своим правилом всегда быть на стороне оппозиции... Это единственная партия, к которой интересно принадлежать. Верьте, вы оказываете мне большую честь.

Бухгалтер ушел, и капитан появился в столовой. Казалось, он намеревался исполнить свое обещание убедить молодую невестку в своих совершенствах и, приблизившись к ней со свойственными ему развязностью и веселостью, хотя и не без доли рыцарской вежливости, произнес:

– Итак, только случаю я обязан удовольствием лицезреть свою любезную невестку, и волей-неволей она должна подарить мне несколько минут. Сами вы, конечно, не предоставите их мне. Сегодня утром я уже жаловался Рейнгольду на ваше пренебрежение, которого, по моему, я никоим образом не заслужил.

Он хотел было взять руку Элеоноры, чтобы поцеловать, но она решительно отдернула ее:

– Господин капитан!

– Господин капитан? – возмущенно повторил Гуго. – Нет, Элла, это уж слишком! В качестве вашего деверя я имею полное право требовать дружеского «ты», в котором вы не отказывали когда-то своему кузену и другу детства, но так как вы с первой минуты моего пребывания здесь решительно подчеркиваете официальное обращение на «вы», то и я невольно принял ваш тон. Однако я не могу вынести «господина капитана», это оскорбление, и я призываю на помощь Рейнгольда. Пусть он скажет, должен ли я в самом деле спокойно выслушивать обращение «господин капитан» из ваших уст.

– Ни в коем случае! – отозвался Рейнгольд, поворачиваясь к двери. – Элла оставит это обращение и вообще отчужденный тон по отношению к тебе. Я только что настоятельно просил ее об этом.

Он вышел, решительным взглядом приказав молодой женщине остаться, что не укрылось от Гуго.

– Ради Бога, только оставь в стороне свою супружескую власть! Неужели можно приказывать быть ласковым? – крикнул он вслед брату, а затем обернулся к Элле и любезно продолжал: – Это было бы вернейшим средством навсегда лишиться меня милости в глазах моей прелестной невестки. Однако, не правда ли, мы в этом не сходимся? Позвольте мне, наконец, сложить к вашим ногам должную дань уважения, описать свое радостное настроение, когда я получил известие о...

Тут Гуго вдруг запнулся, как бы потеряв нить своей мысли. Элла подняла глаза и взглянула на него. В ее взоре ясно отразился горький упрек, он прозвучал и в ее голосе, когда она ответила:

– Оставьте по крайней мере меня в покое, господин капитан; я полагаю, что сегодня у вас и так было немало развлечений в этом роде.

– Что вы хотите сказать, Элла? – удивленно спросил Гуго. – Не думаете же вы...

Молодая женщина не дала ему договорить.

– Что мы сделали вам? – продолжала она, и ее дрожавший вначале голос с каждым словом становился заметно тверже. – Что мы сделали вам, что вы с самого дня возвращения сюда поднимаете всех на смех? Разыграв сцену раскаяния перед моими родителями, вы, вероятно, потом немало потешались над ними и с той минуты до сего дня продолжаете издеваться над всеми, сделали весь дом мишенью своих дерзких шуток... Рейнгольд, конечно, терпеливо сносит, что вы изо дня в день унижаете нас, он, наверно, считает это в порядке вещей. Но я, господин капитан, – голос Эллы звучал уже совершенно уверенно, – я нахожу, что вы не вправе осыпать насмешками дом, в котором, несмотря на все прошлое, вас приняли с прежней любовью. Если этот дом и его обитатели кажутся вам смешными и мелочными, то ведь никто и не звал вас сюда. Вам следовало оставаться в тех странах, о которых вы рассказываете так много чудес. Мои родители заслуживают больше снисходительности и уважения даже к своим слабостям, и наш дом, хотя и очень прост, но все же слишком хорош для того, чтобы быть предметом насмешек... искателя приключений.

Не ожидая его возражений, Элла повернулась и вышла из комнаты. Гуго стоял и смотрел ей вслед с таким озадаченным видом, как будто перед ним только что разыграли одну из невероятных сцен его «индийских сказок». Возможно, первый раз в жизни молодой моряк лишился присутствия духа и вместе с тем дара речи.

– Здорово сказано! – пробормотал он наконец, беспомощно опускаясь на стул, но тотчас же вскочил, как от удара электрического тока, и воскликнул: – Ну конечно... у нее те же голубые глаза, что и у ее ребенка! И это я заметил только сегодня, только сейчас! Разумеется, кто бы стал искать их взгляда под безобразным чепцом? «Наш дом слишком хорош для того, чтобы быть предметом насмешек искателя приключений!» Не лестно, но вполне заслуженно, хотя я менее всего ожидал услышать нечто подобное из этих уст. Итак, значит, чтобы увидеть Эллу такой, нужно ее рассердить? Хорошо, попробуем это!

Гуго направился было в гостиную, но приостановился на пороге и еще раз взглянул на дверь, за которой скрылась его невестка. Дерзкое, насмешливое выражение совершенно исчезло с его лица, оно стало задумчивым, когда он тихо произнес:

– Рейнгольду только кажется, что у нее голубые глаза? Непостижимо!

Глава 5

Большой концертный зал в Г. собрал, казалось, все избранное общество города. Это был один из тех благотворительных концертов, которые оно берет под свое покровительство и участвовать в которых считается долгом чести. На сей раз в программах красовались лишь имена знаменитостей, и авторов произведений, и исполнителей; кроме того, благодаря очень высоким ценам на билеты собравшаяся публика принадлежала если не исключительно, то преимущественно к высшему кругу.

Концерт еще не начался, и принимавшие в нем участие артисты находились в соседнем с главным залом помещении, служившем в таких случаях артистической, куда из публики допускались только избранные. Тем сильнее бросалось в глаза присутствие здесь молодого человека, не принадлежавшего, казалось, ни к избранной публике, ни к числу артистов. Он только что вошел и обратился к капельмейстеру, который, видимо, предупрежденный о его приходе, заговорил с ним особенно вежливо.

Стоявшие неподалеку от капельмейстера слышали только, как он выражал сожаление, что не может дать господину Альмбаху никаких объяснений, что это было желанием синьоры Бьянконы, которая, вероятно, скоро сама пожалует.

Кружок артистов, занятых оживленным разговором, мгновенно расступился, когда дверь отворилась и появилась примадонна, которую не ожидали увидеть так рано, поскольку обычно она приезжала в самую последнюю минуту. Все заволновались, все старались перешеголять друг друга в проявлениях внимания к прекрасной коллеге, но сегодня она как будто не замечала поклонения окружающих. Входя в комнату, она окинула ее взглядом и сразу нашла того, кого искала. Небрежно и бегло ответив на приветствия и обменявшись несколькими словами с капельмейстером, артистка сразу положила конец его попыткам продолжить разговор и обратилась к подходившему к ней Рейнгольду Альмбаху.

– Вы все-таки явились, синьор? – с упреком начала она, отойдя с ним в одну из дальних ниш. – Мне не верилось, что вы ответите на мое приглашение.

Рейнгольд поднял на нее глаза, и напускная холодность и отчужденность стали понемногу исчезать, когда он встретился с взглядом итальянки, – в первый раз с того памятного вечера.

– Значит, приглашение шло от вас? – сказал он. – А я и не знал, смею ли считать таким несколько слов, переданных мне капельмейстером от вашего имени, я не получил ни одной строки, написанной вашей рукой.

Беатриче улыбнулась:

– Я только последовала вашему примеру. Я также получила песню, автор которой не прибавил ни слова к своему имени. Я лишь расплачиваюсь той же монетой.

– Разве мое молчание оскорбило вас? – быстро проговорил молодой человек. – Я не смел ничего более прибавить... Да и что мог я вам сказать? – закончил он, потупив взор.

Первый вопрос был совершенно излишним, так как почтительное посвящение песни, видимо, было принято надлежащим образом, и синьора Бьянконе вовсе не имела оскорбленного вида, когда возразила:

– Вы, кажется, любите играть в молчанку и желаете говорить со мной исключительно на языке музыки? Хорошо, подчиняюсь вашему вкусу и буду объясняться с вами также только нашим языком.

Она сделала легкое, но заметное ударение на слове «нашим». Рейнгольд с удивлением взглянул на нее и медленно повторил:

– Нашим языком?

Беатриче вынула из свертка нот, который держала в руках, отдельную тетрадь.

– Я напрасно ждала, что автор песни придет ко мне, чтобы услышать ее в моем исполнении и принять мою благодарность. Он предоставил другим то, что составляло его обязанность. Я привыкла, чтобы ко мне приходили, вы, кажется, претендуете на то же самое?

В ее голосе еще слышался упрек, но он уже не был резок; да это было бы и неуместно, ибо в глазах Рейнгольда ясно читалось, какой дорогой ценой досталась ему его сдержанность. Альмбах ни слова не ответил на ее упрек, не стал защищаться, но его взгляд, словно магнетической силой прикованный к красивому лицу певицы, убедительнее слов говорил, что причиной ее может быть что угодно, только не равнодушие.

– Неужели вы думаете, что я пригласила вас только для того, чтобы вы прослушали арию, которая стоит в программе? – продолжала итальянка. – Публика всегда требует эту арию, но повторять ее очень утомительно, посему я намерена вместо нее спеть что-нибудь другое.

Щеки молодого человека вспыхнули, и он невольно протянул руку за нотной тетрадкой:

– Что вы говорите? Надеюсь, по крайней мере, это не моя песня?

– Как вы испугались, – проговорила артистка, отступая на шаг и отстраняя его руку. – Неужели вы боитесь за судьбу своего произведения в моем исполнении?

– Нет, нет! – с жаром воскликнул он. – Но...

– Но?.. Пожалуйста, без оговорок! Эта песня посвящена мне, предоставлена мне в полное распоряжение, и я могу делать с ней, что хочу. Но еще вопрос: капельмейстер уже приготовился аккомпанировать, мы прорепетировали с ним эту вещь, однако я предпочла бы видеть за роялем вас, когда выступлю перед публикой с вашим произведением. Могу я рассчитывать на это?

– Вы хотите довериться моему искусству аккомпаниатора? – дрогнувшим голосом спросил Рейнгольд. – Безусловно довериться, без единой репетиции? Не будет ли это риском с обеих сторон?

– Если у вас неостанет мужества, то делать нечего, – ответила Беатриче. – Но я уже отлично знаю, как вы прекрасно играете, и нисколько не сомневаюсь, что сумеете аккомпанировать своему собственному произведению. Если вы останетесь самим собой и в присутствии этой публики, как недавно перед тем обществом, то мы, безусловно, исполним песню.

– Я на все рискну, когда вы со мной, – страстно воскликнул Рейнгольд. – Песня была написана только для вас, но если вы хотите дать ей другое назначение, то пусть будет по-вашему! Я готов.

Итальянка ответила только гордой, торжествующей улыбкой, обернулась к подошедшему капельмейстеру, и между ними тремя начался тихий, но оживленный разговор. Остальные мужчины с нескрываемым неудовольствием смотрели на молодого незнакомца, завладевшего исключительным вниманием знаменитой певицы и разговором с ней, который, к их величайшей досаде, задержал ее до самого начала концерта.

Между тем зал наполнялся публикой; ослепительно освещенный, пестрый от роскошных туалетов дам, он представлял блестящее зрелище. Жена консула Эрлау с несколькими другими дамами сидела в первом ряду и была поглощена разговором с доктором Вельдингом, когда к ней подошел муж в сопровождении молодого человека в капитанском мундире.

– Капитан Альмбах, – произнес он, представляя Гуго. – Я обязан ему спасением своего лучшего судна со всем экипажем. Это он подоспел на помощь борющейся с гибелью «Ганзе» и только благодаря его энергичному самопожертвованию...

– О, прошу вас, господин консул, не заставляйте вашу супругу рисовать себе бурю на море, – проговорил Гуго. – Мы, бедные моряки, и без того уже пользуемся такой дурной славой из-за наших приключений, что каждая дама с тайным ужасом ожидает от нас неизбежных рассказов о наших похождениях. Но уверяю вас, сударыня, с моей стороны вам в этом отношении нечего опасаться. Я намерен в своих повествованиях всегда оставаться на твердой земле.

Молодой моряк, по-видимому, отлично понимал разницу между кругами общества, в которых ему приходилось вращаться. Здесь ему и в голову бы не пришло блеснуть приключениями, о которых он так охотно распространялся в доме своих родственников. Консул покачал головой с несколько недовольным видом и возразил:

– Мне кажется, вам доставляет удовольствие высмеивать всякую благодарность за свои добрые дела. Тем не менее я остаюсь вашим должником, хотя вы и не позволяете мне тем или другим способом оплатить мой долг. Я не думаю, чтобы рассказ об этом приключении мог повредить вам во мнении дам, совсем наоборот. Но вы так решительно отказываетесь описать его, что я оставляю это до следующего раза.

Госпожа Эрлау с очаровательной любезностью обратилась к Гуго:

– Вы нам не чужой, господин капитан, хотя бы из-за вашей семьи. Еще недавно мы имели удовольствие видеть вашего брата.

– Да, единственный раз, – подтвердил консул, – и то совершенно случайно. Альмбах, кажется, не может простить мне разницу между своим и моим образом жизни. Он непреклонно отдалается от нас сам, отдаляет своих близких и уже много лет не пускает к нам нашу крестницу, так что мы даже не знаем, какая она теперь.

– Бедная Элеонора! – сострадательно заметила госпожа Эрлау. – Мне кажется, она стала чересчур застенчива в результате слишком строгого воспитания и слишком уединенной жизни. Я не могу представить себе ее иначе, как робкой и тихой; она, кажется, никогда не поднимает глаз в присутствии посторонних.

– Нет, сударыня, – ответил Гуго с особенным ударением, – она иногда это делает, но я сомневаюсь, что мой брат когда-нибудь видел это.

– Вашего брата здесь нет? – спросила госпожа Эрлау.

– Нет, и я не могу понять, почему он отказался сопровождать мне, тем более, что я знаю его любовь к музыке и то, как ему нравится пение синьоры Бьянконы. Сегодня для меня в первый раз взойдет это южное солнце, лучи которого ослепляют весь Г.

Консул шутливо погрозил ему пальцем:

– Не смейтесь, господин капитан, лучше поберегите свое сердце от этих лучей, для вас, молодых людей, они особенно опасны... И вы не первый были бы побеждены их чарами.

Молодой моряк задорно улыбнулся.

– А кто сказал, господин консул, что я боюсь подобной судьбы? В таких случаях я с величайшим удовольствием терплю поражение, утешаясь сознанием, что чары опасны лишь для тех, кто бежит от них, а кто остается непоколебимым, тот скоро освобождается от чар, иногда даже гораздо скорее, чем хотелось бы самому.

– Вы, кажется, весьма опытни в подобных делах! – с легким укором заметила госпожа Эрлау.

– Боже мой, сударыня, когда скитаешься год за годом из одной страны в другую и нигде не удастся пустить корни, когда чувствуешь себя дома только на вечно волнующемся море, то поневоле начнешь смотреть на перемену, как на нечто неизбежное, а кончишь тем, что полюбишь ее. Подобным признанием я навлекаю на себя вашу полную немилость, но убедительно прошу смотреть на меня, как на дикаря, который в тропических морях давно разучился удовлетворять требованиям северогерманской цивилизации.

Однако манера, с какой капитан поклонился и поцеловал руку консульши, доказывала вполне достаточное знакомство с этими требованиями, что дало основание доктору Вельдингу сухо заметить:

– Тропическая нецивилизованность господина Альмбаха не производит в наших салонах особенно неблагоприятного впечатления. Значит, герой так нашумевшего приключения с «Ганзой» действительно брат того молодого человека, которого синьора Бьянконе почтила своей аудиенцией там, в артистической?

– Кого? Рейнгольда Альмбаха? – спросил удивленный Эрлау. – Но вы слышали – его здесь нет!

– Его здесь нет по мнению господина капитана, – спокойно ответил Вельдинг, – а по моему он ошибается. Но, пожалуйста, не говорите никому об этом. В сегодняшнем концерте нас, очевидно, ожидает какой-то сюрприз. Я кое-что подозреваю, и мы скоро увидим, насколько мое подозрение основательно. Синьора Бьянкона любит театральные эффекты не только на сцене, ей нравится все неожиданное, поразительное, совершающееся с быстротой молнии. Прозаическое оповещение испортило бы все дело. Во всяком случае, капельмейстер в заговоре с ними, от него ничего не добьешься, и потому будем ждать!

Вскоре начался концерт. Первое отделение и половина следующего шли по программе при более или менее оживленном одобрении публики. Синьора Бьянкона появилась уже в конце концерта, и ее пение составило самый блестящий номер программы. Публика приветствовала свою любимицу громкими аплодисментами. Беатриче действительно была ослепительно хороша, когда, освещенная ярким светом люстр, в воздушном наряде, усыпанная цветами, с розами в темных волосах, стояла на эстраде, с улыбкой раскланиваясь во все стороны. Капельмейстер, в этот раз лично аккомпанировавший ей, сел наконец за рояль, и Беатриче запела.

Это была одна из тех больших бравурных арий, успех которых заранее обеспечен и которые вызывают одобрение публики, даже если исполнение не удовлетворяет строгим требованиям. Блестящие, эффектные пассажи заменяли глубину содержания, которой ей не доставало, зато они давали итальянской красавице возможность блеснуть своим прекрасным голосом. Все эти переливы и трели слетали с ее губ такими кристально чистыми звуками и до такой степени завладевали слухом и всеми чувствами зрителей, что всякая критика, всякое серьезное возражение умолкали перед упоительным наслаждением, которое доставлял слушателям талант певицы. Восхитительная игра звуками – правда, только игра – возбуждала публику благодаря полной свободе и прелести исполнения. Слушатели наградили певицу еще более бурными, чем обычно, аплодисментами и шумно требовали повторить арию сначала.

Синьора Бьянкона, казалось, согласилась удовлетворить желание публики, так как снова вышла на эстраду, но в эту минуту место капельмейстера у рояля занял молодой человек, которого до сих пор не было среди участвовавших в концерте артистов. Присутствующие смотрели на него с удивлением, супруги же Эрлау были просто поражены, даже Гуго в первую минуту с испугом взглянул на брата, присутствия которого он не подозревал; однако теперь он начал понимать смысл происходившего. Только доктор Вельдинг спокойно и без тени удивления произнес:

– Я так и думал!

Рейнгольд был очень бледен, и руки его слегка дрожали на клавишах.

Но рядом с ним стояла Беатриче, и достаточно ей было шепнуть ему одно слово, бросить один взгляд, чтобы он совершенно овладел собой. Уверенно и твердо взял он первые аккорды, и они показали публике, что это не будет повторение ее любимой арии. Все прислушивались с напряженным удивлением. Наконец, Беатриче запела.

Нечто совсем иное, чем только что услышанная бравурная ария, зазвучало в зале. В раздавшейся мелодии не было никаких переливов и трелей, но она находила дорогу к сердцу слушателей. В этих звуках, которые то зажигались бурной радостью, то замирали в грустной жалобе, слышались счастье и скорбь человеческой жизни, в них изливалось долго сдерживаемое страстное томление души. Это был особенный способ выражения, обладающий поразительной силой и красотой, хотя, может быть, и не всем вполне понятный; однако все чувствовали, что в песне звучало что-то мощное, вечное.

Самая равнодушная и поверхностная публика не может оставаться безучастной, когда с ней говорит гений; здесь же этот гений нашел себе равного по силе товарища, который сумел

следовать за ним и дополнить его. Теперь уже не могло быть и речи о риске: Альмбах и Бьянкона сразу поняли друг друга. Самая тщательная подготовка не могла привести к столь полной гармонии, какую создали здесь момент и вдохновение. Рейнгольд чувствовал, что его понимают до последней мелочи, Беатриче никогда еще не пела так увлекательно, никогда не вкладывала столько души в свое пение. Она блестяще исполнила свою задачу, соединив талант певицы с драматическим искусством артистки. Это был двойной триумф.

Пение кончилось. После нескольких мгновений глубокой тишины раздалась такая буря рукоплесканий, какую редко слышала даже привыкшая к овациям примадонна и какую вообще не часто можно слышать в концертном зале. Беатриче, по-видимому, только и ждала этого момента: в ту же минуту она подошла к Рейнгольду и, взяв его за руку, подошла с ним к краю эстрады, как бы представляя его публике. Одного этого движения было достаточно – все сразу поняли, что перед ними – автор песни. Снова раздался гром рукоплесканий, и молодой артист, еще оглушенный неожиданным успехом, пережил рука об руку с Беатриче первый привет и первое поклонение толпы.

Рейнгольд вполне пришел в себя только в артистической, куда привела его синьора Бьянкона. Всего несколько минут могли они побыть наедине; в зале оркестр доигрывал последнюю пьесу при полнейшем равнодушии публики, еще всецело находившейся под впечатлением только что услышанного произведения.

– Мы победили, – тихо проговорила Беатриче. – Довольны ли вы моим пением?

Страстным движением схватив ее руки, Рейнгольд воскликнул:

– Зачем спрашивать, синьора? Позвольте поблагодарить вас не за успех, который относится более к вам, чем ко мне, а за то, что я имел счастье слышать свою песню из ваших уст. Я написал ее, вспоминая вас, и только для вас одной, Беатриче! И вы поняли, что я хотел сказать ею, иначе не спели бы ее так...

Синьора Бьянкона, конечно, отлично поняла это, но в устремленном на Рейнгольда взгляде выразилось не только торжество красивой женщины, в очередной раз убедившейся в неотразимости своей власти.

– Кому вы это говорите – женщине или артистке? – шутливо спросила она. – Но путь открыт, синьор! Решитесь ли вступить на него?

– Да, я вступлю на него, какие бы ни ожидали меня препятствия, – проговорил Рейнгольд, гордо выпрямившись. – И как бы ни сложилась моя дальнейшая жизнь, для меня она освящена с тех пор, как сама муза пения указала мне путь.

В последних словах опять зазвучал тон мечтательного поклонения, который Беатриче уже раньше слышала от Альмбаха. Она наклонилась к нему еще ближе, и ее голос зазвучал мягко, почти умоляюще:

– В таком случае, не избегайте музыки так упорно, как до сих пор. Артист может себе позволить время от времени навещать артистку. Когда я буду разучивать ваше следующее произведение, предоставите ли вы мне самой разбираться в нем или поможете своими личными указаниями?

Рейнгольд ничего не ответил, но горячий поцелуй, которым он принял к ее руке, не выражал отказа. Сейчас он больше не прощался с певицей, никакое воспоминание не могло уже спасти его от опасной близости. Таинственная предостерегающая сила, некогда мерещившаяся ему вдали, не имела более власти над душой молодого человека. И могла ли его бледная, бесцветная жена соперничать с Беатриче Бьянковой, стоявшей перед ним во всем обаянии своей демонической красоты, с этой «музой пения», открывшей ему всю сладость первого успеха? Он видел только ее одну. Все, что долгие годы таилось в нем, все, с чем он боролся со времени их первой встречи, – все решил этот вечер. Он стал началом его артистической карьеры и в то же время началом семейной драмы.

Глава 6

Последующие дни и недели в доме Альмбаха никак не принадлежали к числу приятных. Для самого хозяина дома открытое выступление его зятя со своим произведением уже потому не могло оставаться тайной, что доктор Вельдинг в «Утреннем листке» дал подробное описание концерта, назвав имя молодого композитора. Но ни похвалы строгого критика, ни громкий успех песни, ни вмешательство консула Эрлау, горячо вступившегося за Рейнгольда и решительно высказавшегося в защиту его музыкального дарования, – ничто не могло поколебать предубеждения старика. Он продолжал настаивать на том, что любое художественное стремление – бесполезная и опасная забава, причина неспособности человека к практической деятельности и корень всякого зла. Он, как и все остальные, не знал, что синьора Бьянкона почти насильно заставила Рейнгольда выступить публично, и, думая, что все было заранее подстроено без его ведома и против его воли, совершенно выходил из себя. Он до такой степени рассердился, что выбранил зятя, как мальчишку, и раз навсегда строго-настрого запретил ему заниматься музыкой.

Это было, разумеется, худшее, что он мог сделать. Запрещение вызвало горячий, неукротимый протест Рейнгольда. Страстность натуры, составлявшая основную черту его характера и до сих пор только наружно сдерживаемая домашними путами, прорвалась с сокрушительной силой. Произошла ужасная сцена, и, если бы не вмешательство Гуго, разрыв был бы неизбежен. Но Альмбах с ужасом убедился, что его племянник, им самим выращенный и воспитанный, связанный с ним семейными и деловыми узами, вышел из-под контроля и не думал подчиняться его авторитету. Ссора была на время улажена, но могла по первому поводу разгореться с новой силой. Одна сцена следовала за другой, одна обида вызывала другую. Вскоре Рейнгольд оказался во вражде со всеми окружающими, а упорство, с каким он продолжал заниматься музыкой, и проявляемая им теперь самостоятельность еще больше восстанавливали против него родителей жены.

Госпожа Альмбах, всем сердцем разделявшая убеждения своего мужа, поддерживала его по мере сил, а Элла по обыкновению оставалась совершенно безучастной. От нее не ожидали ни вмешательства, ни помощи; родителям и в голову не приходило, что она может иметь на Рейнгольда хоть какое-нибудь влияние, да и сам Рейнгольд совершенно не замечал ее и, казалось, даже не признавал за ней права иметь личное мнение. Молодая женщина, безусловно, страдала от происходящего, но трудно было понять, чувствовала ли она весь трагизм своей роли, она, жена, на которую обе партии не обращали никакого внимания, игнорируя ее, как будто она была несовершеннолетней. Она проявляла одинаковую терпеливую покорность как во время ожесточенных и бурных споров мужа с родителями, так и при его резких выходках, возникавших теперь по самому ничтожному поводу и направленных большей частью против нее. Редко позволяла она себе сказать умиротворяющее слово, никогда не принимая решительно чью-нибудь сторону и еще пугливее замыкаясь в себе, если та или другая сторона резко отталкивала ее.

Единственный человек, сохранивший со всеми наилучшие отношения и свое положение общего любимца, был, к общему удивлению, молодой капитан. Как все упрямые люди, старик Альмбах легче мирился с совершившимся фактом, чем с раздорами, и скорее способен был простить открытое и спокойное неповиновение своей власти, которое проявил в отношении его старший племянник, чем бурное сопротивление его воле со стороны младшего. Убедившись, что его хотят принудить к ненавистной деятельности, Гуго не спорил с дядей и не оскорблял его, а просто ушел из дома и предоставил буре пронестись за своей спиной. По возвращении он разыграл роль блудного сына, чтобы получить доступ в дом, где жил его брат, и снова приобрести расположение дяди и тетки. У Рейнгольда же не было ни умения, ни желания играть

обстоятельствами и извлекать из них пользу. Как прежде он не умел скрывать свое отвращение к торговой деятельности и свое полнейшее равнодушие к мелким мещанским интересам, так и теперь не скрывал своего презрительного отношения к окружающим и своей страстной ненависти к оковам, которые тяготили его, а этого ему, конечно, не могли простить. Гуго, решительно принявший сторону брата, открыто стоял за него при всяком удобном случае. И дядя прощал ему, считая это вполне естественным, потому что благодаря такту капитана дело никогда не доходило до ссоры; между тем стоило только чем-нибудь задеть Рейнгольда, как между ним и его родными разыгрывались ужасные сцены.

Однажды около полудня, придя в дом старого Альмбаха, Гуго встретил на лестнице своего слугу, которого он незадолго перед тем послал с каким-то поручением к брату. Иона только считался матросом на «Эллиде», но уже давно был освобожден от всяких работ и состоял в исключительном распоряжении капитана, с которым не расставался даже во время пребывания на берегу и за которым следовал повсюду, питая к нему неизменную глубокую привязанность.

Оба были почти одних лет. В сущности, Иона был совсем не безобразен, а в праздничном наряде мог даже назваться красивым малым, но его неловкость, резкость и неразговорчивость мешали ему блеснуть своими качествами. Со всем служебным персоналом альмбахского дома, особенно с женской его половиной, он находился во враждебных отношениях, никто из них не видел у него приветливого лица, не слышал от него ни одного слова, кроме самых необходимых. Сегодня он также казался сердитым, и несколько талеров, которые он пересчитывал на ладони, по-видимому, возбуждали в нем негодование, так как он не без злобы посматривал на них.

– В чем дело, Иона? – спросил, подходя, капитан. – Пересчитываешь свои сбережения? Взглянув на него, матрос вытянулся во фронт, но его лицо не стало приветливее.

– Меня посылают в цветочный магазин за букетом, – проворчал он, пряча деньги в карман.

– Как, тебя и здесь уже посылают за цветами?

– Да, и здесь, – ответил Иона, делая ударение на последнем слове. – Мне не привыкать, – прибавил он, с упреком глядя на своего господина.

– Разумеется, – рассмеялся Гуго. – Но я не привык, чтобы ты исполнял подобные поручения для других. Кто же посылает тебя?

– Господин Рейнгольд, – был лаконичный ответ.

– Мой брат? – медленно повторил Гуго, и по его до тех пор веселому лицу скользнула тень.

– Просто грешно платить за это такие деньги, – ворчливо продолжал матрос. – Господин Рейнгольд не хуже вас умеет швырять деньги на пустяки, которые завтра же придется выбросить. Но мы по крайней мере не женаты, тогда как...

– Без сомнения, букет заказан для моей невестки, – резко оборвал его капитан. – Что же тут удивительного? Неужели ты думаешь, что я не буду дарить цветы моей жене, если я когда-нибудь женюсь?

Последнее замечание, по-видимому, показалось матросу чрезвычайно странным; он выпрямился и посмотрел на капитана с видом полнейшего отчаяния, но через минуту принял прежний вид и уверенно произнес:

– Мы никогда не женимся, господин капитан!

– Я запрещаю тебе подобные пророчества, обрекающие меня на безбрачие, – возразил Гуго. – И почему это «мы никогда не женимся»?

– Потому что мы ни во что не ставим баб, – продолжал стоять на своем Иона.

– У тебя очень странная манера говорить о себе во множественном числе, – насмешливо произнес Гуго. – Итак, я ни во что не ставлю баб? А мне кажется, что ты часто сердился на меня как раз за обратное.

– А до женитьбы дело все-таки не дойдет, – с непоколебимой уверенностью торжественно произнес Иона. – В сущности, мы не особенно дорожим и всем женским сословием. Дальше цветочных подношений и поцелуев ручек дело не заходит, а там мы уходим в море, и делу конец! Да и хорошо, что это так! Если пустить баб на «Эллиду»... Да Боже сохрани!

Эта характеристика, высказанная с абсолютной серьезностью и в неизбежном множественном числе, была, казалось, близка к истине, так как не вызвала со стороны капитана ни слова возражения. Он лишь с улыбкой пожал плечами и, повернувшись к матросу спиной, стал подниматься по лестнице. Рейнгольда он нашел в его собственном помещении в верхнем этаже. Ему достаточно было одного взгляда на лицо брата, быстро ходившего взад и вперед по комнате, чтобы понять, что сегодня опять случилась какая-то неприятность.

– Ты уходишь? – спросил он, обменявшись с Рейнгольдом приветствиями и указывая взором на шляпу и перчатки, лежавшие на столе.

– Не раньше чем через час, – ответил Рейнгольд, овладевая собой. – Ты посидишь у меня?

Оставив без ответа последний вопрос, Гуго остановился перед братом, пытливо глядя на него, и спросил вполголоса:

– Опять была сцена?

На лице Рейнгольда снова появилось выражение мрачного упорства, исчезнувшее было при виде брата.

– Ну разумеется! Опять попробовали обойтись со мной, как со школьником, который, хотя и приготовил все заданные уроки, нуждается в надзоре даже во время рекреации и обязан отдавать отчет в каждом своем поступке. Я дал им ясно понять, что мне надоела эта вечная опека.

Капитан не спросил, из-за чего именно произошла ссора, короткая беседа с Ионой достаточно осветила ему дело.

– Какое несчастье, что ты находишься в полной зависимости от дяди! – произнес он, качая головой. – Если рано или поздно у вас дойдет до разрыва и тебе придется выйти из дела, ты останешься без гроша. Будь ты один, ты мог бы, в крайнем случае просуществовать на доход со своих произведений, но рискнуть содержать на них семью – значит поставить на карту ее будущее. Мне приходилось отстаивать только одного себя, тебе же в силу необходимости придется ждать времени, когда какое-нибудь большое произведение даст тебе возможность вместе с женой и ребенком вырваться из этой мешчанской среды.

– Невозможно! – горячо воскликнул Рейнгольд. – До тех пор я успею десять раз погибнуть, а со мной погибнет все, что есть во мне талантливого. Терпеть, ждать, да еще, может быть, целые годы! Это для меня равносильно самоубийству! Мое новое произведение окончено. Если оно будет иметь такой же успех, как и первое, то даст мне возможность провести по крайней мере несколько месяцев в Италии.

Гуго остолбенел:

– Ты хочешь ехать в Италию? Почему же именно туда? – спросил он.

– А куда же иначе? – с нетерпением проговорил Рейнгольд. – Италия – школа всякого искусства и всякого художника. Только там могу я пополнить не от меня зависевшие пробелы своего скудного музыкального образования. Неужели ты этого не понимаешь?

– Нет, – холодно ответил капитан, – я не вижу необходимости начинающему учиться поступать сразу в высшую школу. Учиться ты можешь и здесь, и большинству наших талантов приходилось много работать и бороться, прежде чем Италия, так сказать, благословила их деятельность. Но предположи даже, что тебе удастся привести свой план в исполнение, – что будет в это время с твоей женой и ребенком? Или ты и их собираешься взять с собой?

– Элли? – презрительно воскликнул молодой человек. – Это было бы лучшим способом окончательно подрезать себе крылья. Неужели ты думаешь, что при первом своем шаге к свободе, я потащу за собой всю тяжесть домашних дрызг?

– Это жестоко, Рейнгольд! – сказал Гуго, нахмурившись.

– Разве я виноват, что наконец осознал истину? – вспыхнул Рейнгольд. – Моя жена не может подняться выше кухонных и мелких хозяйственных интересов. Я отлично знаю, что она не виновата, но тем не менее в этом – несчастье всей моей жизни.

– Мне кажется, что ограниченность Эллы принята в вашей семье, как непогрешимый догмат, – спокойно возразил капитан, – и ты слепо веришь ему, как и все остальные; а между тем никто из вас не потрудился лично убедиться, действительно ли это такой неоспоримый факт.

Рейнгольд пожал плечами.

– Я думаю, это было бы совершенно бесполезно. Во всяком случае, не может быть и речи о том, чтобы я взял Эллу с собой. До моего возвращения она, разумеется, останется с ребенком в доме своих родителей.

– До твоего возвращения? Ну, а если ты не вернешься?

– То есть как? Что ты хочешь сказать? – воскликнул молодой человек, и лицо его вспыхнуло.

Спокойно скрестив на груди руки, Гуго пристально посмотрел на него.

– Мне кажется, что сейчас ты выступаешь с уже готовым планом, заранее намеченным и обдуманым. Не отрицай, Рейнгольд! Один ты никогда не дошел бы до таких крайних мер в борьбе с дядей, на какие решаешься теперь, не слушая советов и возражений. Здесь чувствуется постороннее влияние. Разве безусловно необходимо, чтобы ты каждый день навещал Бьянку?

Рейнгольд молча отвернулся, избегая взгляда брата.

– В городе уже говорят об этом, – продолжал тот, – скоро молва дойдет и сюда. Неужели тебе это совершенно безразлично?

– Синьора Бьянкуна разучивает мое произведение, – коротко ответил Рейнгольд, – и я вижу в ней только идеальную артистку. Ведь и ты восхищался ею?

– Восхищался, да, по крайней мере вначале, но не мог бы увлечься ею. В прелестной синьоре есть что-то, напоминающее вампира. Я боюсь, что тому, на кого ее глаза устремятся с целью околдовать его, понадобится немалая сила воли, чтобы сохранить свою независимость!

С этими словами он подошел к брату.

Рейнгольд медленно обернулся, посмотрел на него и мрачно спросил:

– Ты сам испытал это?

– Я? Нет! – ответил Гуго своим обычным насмешливым тоном. – К счастью, я не так чувствителен к подобного рода романтическим опасностям, да и, кроме того, достаточно знаком с ними. Назови это легкомыслием, непостоянством, чем хочешь, но женщина не может надолго всецело завладеть мною. У меня, вероятно, недостаточно темперамента для сильной страсти... А в тебе его слишком много, и если ты встретишься с особой, похожей в этом отношении на тебя, то не миновать опасности... Берегись, Рейнгольд!

– Своими словами ты хочешь напомнить мне о моих цепях? – с горечью проговорил Рейнгольд. – Как будто я и без того ежедневно и ежечасно не чувствую их, сознавая в то же время свое бессилие, невозможность их порвать! Если бы я был так же свободен, как ты в то время, когда сбросил с себя здешнее рабство, тогда еще можно было бы все поправить. Но ты прав: меня заблаговременно заковали в оковы, и брачные узы – самый крепкий замок, за которым навсегда заперты все радости свободы... Я только теперь понял это.

Их разговор был прерван слугой, который пришел, чтобы передать какое-то поручение бухгалтера. Наскоро отпустив его, Рейнгольд обратился к брату:

– Мне необходимо зайти на минутку в контору. Ты видишь, я не подвергаюсь опасности погибнуть от чрезмерного романтизма, об этом заботятся наши счетные книги, в которых, вероятно, занесены не в ту графу несколько талеров... До свидания, Гуго!

Он вышел из комнаты, и его брат остался один. Несколько минут он сидел в глубокой задумчивости, и хмурая складка четче обозначилась на его лбу, потом выпрямился, как будто на что-то решившись, и также вышел из комнаты, но не для того, чтобы сойти вниз, к дяде и тетке: он направился в комнату своей невестки.

Элла действительно была там, она сидела у окна, низко склонившись над рукоделием. По-видимому, она торопливо схватила работу в ту минуту, когда в дверь неожиданно постучали. Быстро отброшенный в сторону носовой платок и покрасневшие веки молодой женщины ясно говорили о только что отертых слезах. Она с нескрываемым удивлением посмотрела на деверя, до сих пор ни разу не входившего в ее комнату. В нескольких шагах от нее он остановился и спросил:

– Может ли «искатель приключений» еще раз попытаться приблизиться к вам, Элла? Или произнесенный вами приговор навсегда и безусловно запрещает ему даже переступить порог вашей комнаты?

Молодая женщина покраснела и в мучительном смущении перебирала пальцами работу.

– Господин...

– Капитан, – перебил Гуго. – Совершенно верно, так называют меня матросы. Но если я еще раз услышу это обращение из ваших уст, я, наверное, перестану докучать вам своим присутствием... Элла, выслушайте меня сегодня, прошу вас! – продолжал он самым решительным тоном, заметив, что молодая женщина собирается встать. – На сей раз я заблокировал дверь, через которую вы стремитесь бежать; на мое счастье, поблизости нет и служанки, которую вы могли бы под каким-нибудь предлогом удержать в своей комнате. Мы одни, и я даю вам свое честное слово, что не двинусь с места, пока не буду помилован или снова не услышу неизбежное «господин капитан», которое навсегда удалит меня отсюда.

Элла взглянула на него, теперь было ясно видно, что она плакала.

– Что вам в моем прощении? – спокойно спросила она. – Меня лично вы менее всех оскорбили. Я говорила только о своих родителях и домашних.

– Ну, до них-то мне нет никакого дела, – с бесцеремонной откровенностью ответил Гуго. – Но мне больно, очень больно, что я обидел вас! Это до сих пор камнем лежит у меня на душе. Мне не остается ничего больше, как честно и искренне просить прощения. Вы все еще сердитесь на меня, Элла?

Он протянул ей руку. И в этом движении, в его словах было столько подлинной теплоты и задушевности, что невозможно было им противиться, и Элла, хотя и колеблясь, все-таки вложила свою ладонь в протянутую ей руку, причем просто сказала:

– Нет.

– Слава Богу! – с облегчением воскликнул Гуго. – Наконец-то восстановлены мои права деверя! Ну-с, так я торжественно вступаю в обладание ими. – Не ограничиваясь словами, он пододвинул стул и, сев рядом с невесткой, продолжал: – Знаете, Элла, после нашей последней встречи вы чрезмерно заинтересовали меня.

– Чтобы заинтересовать вас, надо, кажется, быть с вами невежливой, – с упреком сказала Элла.

– Кажется, что так, – невозмутимо ответил капитан. – Мы, «искатели приключений», совсем особенный народ и хотим, чтобы с нами обращались иначе, чем с нормальными людьми. Вы, по-видимому, разгадали это. С тех пор как вы так безжалостно отчитали меня, я оставил весь дом в покое, прошел полный курс уважения и почтения к тете и дяде и даже исключил из своих индийских сказок несколько эффектов, от которых волосы встают дыбом, – и все исключительно из боязни встретить укоризненный взор некоторых глаз. Конечно, это не могло остаться для вас тайной.

Что-то похожее на улыбку промелькнуло на лице молодой женщины, когда она спросила:

– Наверно, вам было довольно трудно?

– Очень трудно, хотя мне немало помогло теперешнее настроение в вашем доме. Оно в последнее время не таково, чтобы внушить охоту дурачиться.

При этом намеке мимолетная улыбка исчезла с лица Эллы, и оно приняло робкое, просительное выражение.

– Да, у нас невесело, – тихо промолвила она, – и день ото дня становится все хуже. Родители мои очень суровы, а Рейнгольд из-за пустяков так раздражается, становится так резок! Боже мой, неужели вы не можете повлиять на него?

– Я? – серьезно переспросил Гуго. – Такой вопрос следовало бы задать вам, его жене.

Элла покачала головой с видом унылой покорности.

– Меня никто не слушает, а Рейнгольд – меньше всех. Он убежден, что я ничего не понимаю, и безоговорочно запретил бы мне вмешиваться в свои дела.

Гуго с состраданием посмотрел на молодую женщину, так откровенно сознающуюся в том, что не имеет никакой власти над мужем, не может оказать на него никакого влияния и не принимает ни малейшего участия в его планах и намерениях.

– Необходимо так или иначе положить конец создавшемуся положению, – решительно произнес он. – Рейнгольд изведется в этой борьбе, он и сам глубоко страдает, и заставляет страдать окружающих. Когда я вошел, вы плакали, Элла, да и все последнее время не было дня, когда я не видел бы вас с заплаканными глазами. Не отворачивайтесь от меня так пугливо! Вы должны позволить мне, как брату, откровенно выразить свое мнение: вы увидите, что я умею не только дурачиться. Повторяю, необходимо что-нибудь предпринять, и это должны сделать вы. Дело идет об артистической карьере Рейнгольда, о всей его будущности, и жена должна быть возле него, иначе... это место могут занять другие...

Элла посмотрела на него с удивлением и страхом. Первый раз в жизни ее убеждали открыто стать на чью-нибудь сторону и многого ожидали от ее вмешательства. Но что значило упоминание о «других», которые могли занять ее место? Выражение лица Эллы ясно говорило, что она не имела об этом ни малейшего понятия. Гуго понял это и не решился продолжать свою речь: он боялся заронить первое подозрение в душу еще ничего не подозревающей женщины, боялся выдать родного брата и неминуемо вызвать катастрофу, в неизбежности которой в то же время был вполне уверен. Но все существо молодого человека восставало против этой мучительной необходимости, он продолжал сидеть в нерешительности, как вдруг на помощь ему пришел неожиданный случай.

В дверь постучали, и в комнату вошел Иона с большим букетом в руке. Матрос был бы, вероятно, осторожнее, если бы исполнял поручение своего господина. Он знал по опыту, что цветочные подношения обычно доставляют удовольствие дамам, которым они предназначаются, но далеко не так любезно принимаются отцами и родственниками этих дам, и потому, хотя и скрепя сердце, всегда придерживался точного адреса. На сей раз сам Гуго ввел его в заблуждение, уверив, что букет предназначен для его невестки. Иона ни минуты не сомневался в справедливости слов, которыми Гуго хотел только выгородить своего брата, поэтому прямо подошел к молодой госпоже Альмбах и подал ей цветы со словами:

– Я нигде не мог найти господина Рейнгольда и потому принес букет прямо сюда.

Элла с изумлением посмотрела на роскошный букет великолепных роз, составленный с большим умением и вкусом.

– От кого эти цветы? – спросила она.

– Из цветочного магазина, – ответил Иона. – Господин Рейнгольд заказал букет, и я пошел за ним, но так как я...

– Хорошо, можешь идти, – прервал его Гуго, быстро подходя к невестке и беря ее за руку, как будто хотел успокоить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.